

С.С. Митрохин, Г.М. Михалева

По колее "ОСОБОГО ПУТИ"

Цивилизационный процесс и модернизация в России

16+

**Сергей Сергеевич Митрохин
Галина Михайловна Михалева
По колее «Особого пути».
Цивилизационный процесс
и модернизация в России**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67593641
SelfPub; 2022*

Аннотация

Почему «русский путь» и особенности российской цивилизации препятствуют модернизации страны? Авторы попытались ответить на этот вопрос, обращаясь к особенностям исторического развития с точки зрения взаимодействия власти и общества – с одной стороны и империей и постимперскими особенностями современной России – с другой. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся политикой и историей, студентов, аспирантов, преподавателей и журналистов.

Содержание

Предисловие	5
Сергей Митрохин	8
Российский цивилизационный процесс	11
Московская Русь—ортодоксия, самоизоляция и деспотизм	14
От открытости к самоизоляции и обратно	18
Русская ортодоксия	23
Симбиоз Церкви и Государства	31
Верховенство правды	35
Подчиненность права	40
Бесправное общество	48
Непарламентская страна	52
Догоняющая мобилизация	57
Справедливость земная и небесная	64
От мобилизации к сверхэксплуатации	71
Петербургская цивилизация	82
Советская Россия – «перезагрузка» Московии	86
Московское наследие в реформах 90-х	93
Постмосковия как Российская модель экстрактивного государства	99
Who is Mr.Putin?	104
Сценарии будущего	117
Галина Михалева	122

Модернизация и империя	124
Российская Империя	133
Советская империя: расширение пояса влияния	137
Распад Советской Империи	144
Ресоветизация и постимперский синдром.	157
В поисках государственной идеологии: возвращение пройденного	165
Задачи модернизации: миссия невыполнима?	177

**Сергей Митрохин,
Галина Михалева**

**По колее «Особого пути».
Цивилизационный процесс
и модернизация в России**

Предисловие

Почему «русский путь» и особенности российской цивилизации препятствуют модернизации страны? Мы попытались ответить на этот вопрос, обращаясь к особенностям исторического развития с точки зрения взаимодействия власти и общества – с одной стороны и империей и постимперскими особенностями современной России – с другой.

В первой части монографии анализируется драматическая колея «русского пути» последнего полутысячелетия, начало которого отсчитывается от Московского царства 15 — 17 веков. Поворот в сторону Европы в 18 веке раскалывает российский социум на модернизированное меньшинство и традиционное большинство. Затем правящая элита,

сохраняя московскую модель, строит на ее основе государство неограниченной эксплуатации крестьянства. Во второй половине 19 века социум вступает в период европейской модернизации, которая носит непоследовательный характер. В 20-м веке Московия возрождается на новой основе, делая крупный мобилизационный рывок. После его угасания наступает новый период застоя, который снова сопровождается расколом социума на модернизированные (прозападные) и консервативные силы. Победа прозападных сил сопровождается принятием решений о перераспределении национальных ресурсов с результатом в виде новой Постмосковии с ее застоєм и возрождением сверхэксплуататорского (экстрактивного) государства, которое в 21 векеполучает юридическое оформление и идеологическую платформу, вступая в конфликт с модернизированной частью общества.

Во второй части книги рассматриваются имперское прошлое России и постимперский синдром, которые выступают серьезным препятствием на пути модернизации, формирования современного государства с социальной рыночной экономикой и действующими демократическими институтами.

Многосоставной характер страны обуславливает сочетание доминирующих тенденций политики унификации и централизации с существованием региональных и национальных особенностей, включая традиции, противоречащие принципам современного государства и действующей Кон-

ституции.

Отказавшись от единой советской коммунистической идеологии, российская элита до сих пор не нашла принципов, на которые могло бы опираться единство российской нации. Споры о единой идеологии и национальной идее идут с момента распада Советского Союза, предлагаемые представителями власти, учеными, журналистами принципы взаимно противоречивы: от необходимости построения гражданской нации на основе конституционного консенсуса до возвращения к социализму или созданию русского православного государства, противостоящего Западу.

Эта книга – продолжение размышлений авторов, опубликованных ранее, таких как книга Сергея Митрохина «Либеральный прорыв и консервативный тупик», «Модернизация и архаика» и работ Галины Михалевой «Политика и культура в российской провинции» (в соавторстве), «Россия между имперскими мечтами и модернизацией» (на английском языке), «Россия и Европа. Сближения и различия» (на немецком языке) и других.

Сергей Митрохин, Галина Михалева

Сергей Митрохин

Путинская Россия как продукт российского цивилизационного процесса. Назад, к Московии!

В мае 2020 года президент России Путин сделал сенсационное заявление.

«Россия – это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация: это многонациональная страна с большим количеством традиций, культур, вероисповеданий, – сказал он. – Если мы хотим сохранить цивилизацию, мы, конечно, должны делать упор именно на высокие технологии и на будущее развитие».

«По словам президента, – сообщает РБК, – для сохранения этой цивилизации необходимо сосредоточиться на развитии высоких технологий. В числе приоритетных – искусственный интеллект, генетика и беспилотная техника»¹.

Эти высказывания вызвали массу иронических комментариев в социальных сетях. С моей точки зрения, ирония здесь не очень уместна, если учесть, что эти слова произнесены первым лицом государства, находящимся у власти 20 лет и

¹ <https://www.rbc.ru/society/17/05/2020/>.

собирающимся править еще почти столько же.

Президент заявил претензию на свое понимание цивилизационного процесса, что явно было сделано в порядке идеологической «артподготовки» к принятию пакета поправок в Конституцию.

Если бы с подобным заявлением выступил любой другой человек, то оно не представляло бы собой никакого интереса как слишком поверхностное и противоречивое. Путин явно ищет идеологическое оправдание своей власти, претендуя при этом на некую цивилизационную миссию.

Я не хочу над этим издеваться. Любого правителя России можно оценить по наличию такой миссии или ее отсутствию. Были правители, которые раздвигали перспективы страны, провоцируя модернизационный рывок. Но были и такие, которые загоняли ее в тупик изоляции, обрекали на замыкание в собственной скорлупе и тем самым тормозили развитие, т.е. в конечном счете, ослабляли.

Высказавшись по поводу России как особой цивилизации, Путин дал повод проанализировать и его собственную роль в этом процессе, оценить то, какой вклад он в качестве первого лица государства вносит в развитие нашей страны и вносит ли его вообще.

Ответить на этот вопрос невозможно без беглого обзора цивилизационного развития России.

После обзора основных тенденций развития российской цивилизации мы вернемся к фигуре Путина и проанализи-

руем его слова о высоких технологиях и будущем развитии.

Российский цивилизационный процесс

Приступая к такому обзору, нельзя также избежать и определения понятия «цивилизация», которое используется авторами – во избежание расплывчатости и многозначности данного термина.

В данном докладе он используется в следующем значении:

Цивилизация – это совокупность смыслов (ценностей, представлений традиций и т. д.) и основанных на них практик (культурных, социальных, политических, технологических, хозяйственных):

- 1) доминирующих в крупных человеческих сообществах в определенные исторические периоды;
- 2) передающихся от одного периода к другому, из прошлого в будущее в качестве наследия.

Пункт первый отражает цивилизацию как состояние, которое сохраняется в относительно неизменном виде, в течение определенного периода приходит другое, которое, тем не менее, наследует от предыдущего некие базовые особенности, которые можно условно назвать «генотипом».

Во втором пункте речь идет о том, что на смену одному

состоянию цивилизации с течением времени приходит другое.

Во избежание путаницы в этом тексте понятие «цивилизация» будет применяться к первому пункту вышеприведенного определения, а ко второму – понятие «цивилизационный процесс».

В первом случае речь идет, например, о «цивилизации средневековой Европы» и «современной западной цивилизации», а во втором – о «европейском цивилизационном процессе».

Что же касается российского цивилизационного процесса (РЦП) или *русского пути*, то он распадается на эпохи – Киевскую, Московскую, Петербургскую и Советскую. Одни из них (например, Московская и Советская) соответствуют вышеприведенному определению цивилизации в большей степени, другие – в меньшей.

Для российского цивилизационного процесса характерно, что каждый его новый этап связан со сменой столиц государства, которые и дают им названия. Советская цивилизация тоже началась со смены столицы. Придерживаясь данного критерия, можно утверждать, что Россия пока не вышла из ее рамок, а те многочисленные перемены, которые все же произошли, отразить в названии «постсоветская», которая во многих отношениях является продолжением Советской.

Все эти цивилизации связаны друг с другом преемственностью, но, в то же время, между ними существуют и суще-

ственные различия.

Московская Русь—ортодоксия, самоизоляция и деспотизм

Отталкиваясь от слова «отдельная», мы неизбежно придем к выводу о том, что президент РФ подразумевал в первую очередь московскую фазу Российского цивилизационного процесса.

Жак ле Гофф писал: «В истории цивилизаций, как и в человеческой жизни, детство имеет решающее значение²». Если это так, то Киевская Русь – это эмбрион или младенец. Детство России – это Московская Русь, в которой сформировались основные параметры цивилизации, актуальные по сей день.

В сравнении со всеми остальными периодами российского цивилизационного процесса, Московский имеет менее всего точек соприкосновения с Европой. В этом смысле Московская цивилизация гораздо больше их всех заслуживает путинского эпитета «отдельная».

Фундаментальное расхождение с Западом можно очень грубо и условно сформулировать следующим образом: пока в Европе шла рецепция римского права и других элементов

² <https://www.livelib.ru/quote/243588-tsivilizatsiya-srednevekovogo-zapada-zhakle-goff>.

античного наследия, на Руси осуществилась рецепция монгольского деспотизма³. При этом первое обстоятельство (отсутствие правового влияния античности), с моей точки зрения, является гораздо более важным, чем второе (влияние деспотизма). В условиях самостоятельной правовой жизни социум неизбежно вырабатывает ту или иную конфигурацию смягчения деспотизма.

В русском же социуме до наших дней не выработался тот единственно возможный вариант защиты от деспотизма, который связан с правом как основой «общественного договора» между обществом и властью.

Конечно, нельзя сказать, что в Киевской Руси предпосылки деспотизма полностью отсутствуют. Обычно их усматривают в деятельности Владимирского князя Андрея Боголюбского. Но их можно проследить и еще раньше. В самом крещении Руси в зачаточном виде содержится предзнаменование некоторых тенденций деспотического будущего. Согласно летописи, осуществлено оно было «огнем и мечом», в то время как в большинстве стран, принявших христианство (за исключением насаждения его извне), оно распространялось более или менее добровольно.

В то же время история Киевской Руси изобилует противоположными примерами «уравновешивания» княжеской вла-

³ Жирным шрифтом выделены слова, обозначающие реалии и ценности Российского цивилизационного процесса, а подчеркиванием – Европейского. Курсивом выделены нейтральные понятия, необходимые для освещения предмета данного исследования.

сти, а также ее откровенной слабости перед лицом других институтов и социальных групп.

Монгольская система с ее назначением великих князей из ставки хана покончила с этим «плюрализмом», силой навязав русскому социуму единый центр власти, который, в конечном счете, обосновался в Москве, и именно монголам этот город обязан нынешним статусом столицы.

В то же время следует помнить, что этот деспотизм формировался не сам по себе, а в синтезе с византийским православием, точнее, с той его версией, которая насаждалась догматическими фанатиками, оказавшимися «святое патриарха Константинопольского». Именно они в итоге пресекли сравнительную толерантность Киевской Руси и «застолбили» здесь более радикальную версию православия, чем у себя на родине.

Синтез жесткой ортодоксии с жестокой властью восточного типа устранил из Московской цивилизации все те элементы, которые в Киевской Руси напоминали о Европе, и заложил фундамент Московского **самодержавия**.

Крайне расплывчатый европейский вектор Киевской цивилизации во времена Московской сменился на **антизападный**, поскольку в этот период резко усилилась конфронтация православия с католицизмом. При этом внешняя политика монголов еще и не позволяла подчиненным им князьям заключать стратегические союзы с европейскими правителями.

Под воздействием этих факторов Московская цивилизация переходит от просто **самоизоляции**, которая намечалась в Киевской по языковым причинам, к открытой религиозной и политической **конфронтации** с католическим **Западом**.

Набор признаков Московской цивилизации, выделенный жирным шрифтом, разумеется, неполон и будет дополнен в дальнейшем изложении. Но даже в этом усеченном виде он удовлетворяет вышеприведенному определению понятия «цивилизации». Теперь перейдем к более подробному обзору с целью разобраться, что от Московской цивилизации осталось в прошлом, а что продолжает жить до сих пор.

От открытости к самоизоляции и обратно

Один из алгоритмов Российского цивилизационного процесса заключается именно в движении от изоляции к замкнутости, которая потом опять сменяется открытостью. Первоначальный импульс этому алгоритму дала деятельность князя Владимира. Крестив Русь, он вырвал ее из рамок языческой самоизоляции и ввел в христианский мир, что дало мощный импульс развитию страны.

Московская Русь, пришедшая на смену Киевской, пошла по пути самоизоляции, которую снова нарушила Петербургская Россия. Затем наступила советская изоляция с ее «железным занавесом», сменившаяся открытостью 90-х годов прошлого века. Со второй половины «нулевых» нынешнего началась новая фаза самоизоляции.

От этого «маятника» нельзя отмахнуться, как от чего-то несущественного. Он явно представляет собой устойчивую закономерность, которую, видимо, следует считать одним из ключевых алгоритмов Российского цивилизационного процесса.

Московскую Русь отличало от Киевской то, что последняя была цивилизационно ближе к современным ей европей-

ским странам и имела определенный потенциал движения по европейскому пути. При этом надо отдавать себе отчет и в том, что в те времена сам европейский путь еще не сформировался.

Две разные «колеи», по которым впоследствии пойдут Европа и Русь, на тот момент были крайне размытыми, но все же при этом в чем-то пересекались и переплетались друг с другом. Область этого пересечения можно очертить даже территориально. Благодаря общему славянскому происхождению и отчасти также славянскому алфавиту, изобретенному Кириллом и Мефодием, ее можно вслед за Виктором Живовым условно обозначить как *Slavia Christiana*⁴.

С цивилизационной точки зрения, эта «славия» была скорее европейской, чем азиатской.

Так же, как и Европа, Киевская Русь являлась полицентричным образованием, то есть в ней отсутствовал единый всеподавляющий центр, власть была распределена между князьями разных степеней родства, церковью, народным вече и т. д.

В «Повести временных лет» есть свидетельство и об определенно европейском представлении о праве как важнейшем условии существования общества: «поищемъсобѣкназа. иже быволодѣлъ нами и судиль по праву»⁵. Этот завет

⁴ Живов В. М. История языка русской письменности. Том 1, Москва, 2017, с. 137.

⁵ Полное собрание русских летописей. Том I. Ленинград Издательство Академии Наук СССР 1926–1928, с. 13.

наших предков, касающийся «суда по праву», не выполнен в нашей стране до сих пор.

Естественным условием существования *Slavia Christiana* было отсутствие враждебности к Западу, то есть к католической вере. Данная толерантность продолжалась по инерции даже после официального церковного раскола 1054 года.

Однако напряженность постепенно нарастала. В полном соответствии с теорией Арнольда Тойнби⁶, цивилизация на восточной окраине Европы родилась как «ответ» на вызов ее западной части. Но «ответ» всегда сохраняет зависимость от «вызова». Противопоставление себя Западу на Руси постоянно сменяется стремлением ему подражать.

Феномен «отторжения-притяжения» Запада, таким образом, является одним из базовых «генетических кодов» российской цивилизации. Поэтому даже само ее изучение невозможно без сопоставления с западной – в большей мере, чем скакой-нибудь другой.

Тенденция культурной **самоизоляции** Руси от Запада уже наметилась в киевские времена в связи с тем, что архаический славянский язык православной церкви (изначально – македонский диалект болгарского языка) не мог служить средством коммуникации с европейскими элитами, а значит, и обмена с ними ценностями и идеями.

Другим следствием этой самоизоляции, перешедшим от Киевской Руси к Московии, стала полная **оторванность**

⁶ Тойнби А. Дж. [Постижение истории](#). М., 1991.

Руси от античной цивилизации, которая благодаря латыни являлась мощным цивилизационным донором не только для Запада, но и для мусульманского Востока.

По этой причине в фундаменте русской цивилизации отсутствуют базовые элементы как западной, так даже и византийской (светское образование с обязательным изучением в школе античных авторов, рецепция римского права).

По причине языковой и религиозной самоизоляции Россия до второй половины 17 века практически не знала светской культуры и образования.

«До конца 17 века русская литература была деперсонализирована, лишь в конце его появляются ростки внецерковной живописи... скульптура, театр как сферы искусства отсутствовали вовсе. Основная часть населения, исключая чиновников и священников, была неграмотна. В стране в принципе не существовало системы образования... не было даже сети начальных школ. Если в средневековой Европе уже в 12 веке „учение и преподавание наук стало ремеслом, одним из многочисленных видов деятельности, которые были специализированы в городской жизни“⁷, то в России не было ни студентов, ни преподавателей, ни ученых»⁸. Ключевым моментом расхождения между Русью и Европой является отсутствие рецепции римского права и вы-

⁷ Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. 1992, с.90

⁸ Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. 1999, с.4.

текающих из него уникальных западных феноменов: университетского движения, революции городов с их хартиями вольностей, роста влияния профессиональных юристов, парламентов и многого другого. Обобщая все эти явления в одном понятии, можно назвать их зонами автономии. Такие зоны невозможны без глубокого освоения правовых принципов и практик, так как только право может являться основой саморегулирования, выступающего как альтернатива навязыванию регулирования «сверху».

Самоизоляция Руси еще в Киевский период ее истории нарастала по мере того, как в Европе происходила правовая модернизация, неизбежно вытекавшая из жесткого конфликта светской и духовной властей.

Вместо рецепции римского права на Руси, повторимся, происходила рецепция византийской ортодоксии монгольского деспотизма. В результате право в российском социуме не смогло сформироваться как самостоятельная система, независимая от верховной власти, а до сих пор остается всего лишь одним из инструментов управления в руках этой власти.

Рецепция римского права произошла в России только в 19 веке и была чисто академической, она так и не успела затронуть широкие слои не только общества, но даже его интеллектуальную элиту, а муниципальная революция не произошла и по сей день.

Русская ортодоксия

Тот барьер, которым отгородила Русь от Европы языковая изоляция, оказался не единственным и даже не самым главным. В конце концов, такие барьеры преодолеваются с помощью переводческой деятельности, которая в Средневековье процветала как на Востоке, так и на Западе. Но только не на Руси, где почти монопольный контроль над культурой и культурными влияниями взяли в свои руки церковные ортодоксы.

Светское образование в Европе и Византии, конечно, играло подчиненную роль по отношению к духовному, но для становления Европейской цивилизации эта роль была колоссальной. Семь свободных искусств, преподававшихся в монастырских школах еще до появления университетов, проложили дорогу такой ранней форме средневековой рациональности как схоластика, которая, в свою очередь, немыслима без освоения наследия Аристотеля.

В Киевской Руси светское образование коснулось, по-видимому, только воспитания и досуга князей, которые иногда знали несколько языков, включая латынь и греческий. Одна из гипотез авторства одного из немногих памятников светской литературы этого периода – «Слова о полку Игореве» – заключается в том, что автором был сам князь Игорь. Даже

если это не так, то, скорее всего, им был кто-то причастный к светскому образованию из самого близкого окружения князя. Но таких людей на Руси в то время были единицы.

Наличие «гуманистического» направления в культуре роднит Византию с Западом и, наоборот, противопоставляет ее средневековой Руси. Византийский гуманизм многими своими идеями и культурными смыслами перекликался с итальянским Возрождением. С другой стороны, в самой Византии его приверженцы, которых И. П. Медведев называет сообществом, «объединенным мечтой о свободной просвещенной человеческой личности», представляют собой такую группу средневековой интеллигенции, появление которой было совершенно немыслимо на Руси, где такому сообществу было просто неоткуда взяться, поскольку никакая даже элитарная группа здесь не имела шансов получить возможность хотя бы частичного освоения античного наследия⁹.

В качестве миссионеров после принятия христианства на Русь из Византии поехали представители не «гуманистического» направления византийской культуры, а совсем другого, которое Виктор Живов называет «аскетическим», противопоставляя его мировоззрению гуманистов¹⁰.

⁹ Медведев И.П. Византийский гуманизм—XIV–XV вв. СПб. 1997. с.205–220.

¹⁰ Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М. 2002, с.77.

Именно эти церковные ортодоксы и ретрограды, отвергающие античную культуру как языческую, сыграли роль «культуртрегеров» для едва начавшей формироваться православной паствы на далеком заморском Севере.

«В миссию, как правило, отправлялись люди, для которых гуманистическая культура столицы не имела особой ценности, а распространение христианства среди варваров представлялось важнейшей задачей, что опять же скорее указывает на аскетическую традицию»¹¹.

В результате этой миссии византийская культура была воспринята на Руси в усеченном виде: ее «отфильтровали» для северных неофитов фанатичные миссионеры. Они отсекали от этой культуры все светские античные элементы, которые эти фанатики проклинали как языческие, оставив только ортодоксально-православные. В отличие от византийских гуманистов, достаточно толерантно относившихся к западному христианству, аскетические фанатики люто его ненавидели. Поэтому еще одним важнейшим вкладом, который они привнесли в формирующийся православный этнос на Севере, явилось отторжение католицизма, которое впоследствии переросло в ненависть к Западу как таковому.

«Антикатолические сочинения киевских греков... указывают на достаточно жесткую и ограниченную в своем интеллектуальном кругозоре позицию, скорее напоминающую аскетическое направление. Сопоставление антикатолических

¹¹ Там же, с.79.

трактатов русских клириков греческого происхождения... с аналогичной продукцией, появлявшейся в то же время в Константинополе и служившей источником для этих трактатов, указывает на большой ригоризм, снижение значимости богословской и канонической проблематики... и превалирование обрядовой и бытовой регламентации»¹². В этих условиях, разумеется, не могло идти и речи о полноценном культурном обмене с окружающим миром.

В условиях языковой и культурной изоляции Руси аскетическая миссия имела последствия, далеко выходящие за чисто церковные рамки: она сформировала один из доминирующих типов русского национального характера и самосознания, который наложил колоссальный отпечаток на весь ход российской истории.

«Поскольку основной задачей ставилось сохранение православия как высшей ценности, то вся сфера бытового и культурного поведения человека подчинялась основанному на традиции жесткому канону, всякое нарушение которого трактовалось как угроза существования православного государства»¹³.

Назовем этот тип ортодоксальной личностью. Для нее характерна ярко выраженная религиозность, вера в авторитет, следование заранее установленным жестким догматам, абсо-

¹² Там же, с.77—78.

¹³ Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. 1999, с.40.

лютная уверенность в собственной правоте, нетерпимость к иной точке зрения, черно-белая картина мира, постоянная ненависть к заранее установленному и неизменному «образу врага» и другие установки, сопутствующие всему этому.

При рождении Московского царства этот тип получил дополнительные импульсы для своего развития и укрепления под влиянием двух исторических «падений» Константинополя в 1453 году татаро-монгольского «ига» в 1480. Первое из них, по мнению В. О. Ключевского, повлекло за собой «религиозный переворот»: «Сметливый ум русского книжника нашел внутреннюю связь между этими событиями: значит, в Византии пало истинное благочестие, а Русь засияла им паче Солнца во всей поднебесной, и ей суждено стать вселенской преемницей Византии. Оставшись без учителя, русский книжник сам почувствовал себя в роли учителя, самодовольно осмотрелся кругом, и мир преобразился в его глазах: все ему представилось теперь не так, как представлялось прежде. Русская земля... явилась последним и единственным в мире убежищем правой веры и истинного просвещения; Москва, до которой не дошел ни один апостол, как-то оказалась третьим Римом, московский царь остался единственным христианским царем во всей Вселенной, а сам он, этот московский книжник, еще недавний „новоук“ благочестия, вдруг очутился единственным блюстителем и истолкователем истинного христианства, весь же остальной мир

погрузился в непроницаемый мрак неверия и суемудрия»¹⁴. Таким образом, ортодоксальная личность, доминирующая, конечно же, не только в книжной и церковной, но и других социальных слоях московского социума, получила дополнительное подкрепление уверенности в своей абсолютной правоте и надежности своего пребывания в лоне божественной истины. В словах «самодовольно осмотрелся кругом» Ключевский очень точно фиксирует комплекс мессианского превосходства, доминирующий в политическом самосознании Московии и передавшийся по наследству следующим поколениям.

Подобное самосознание основано на чувстве обладания единственно истинной правдой, которую не понимают окружающие нас народы. Слово «правда» отражает это мессианское превосходство лучше, чем истина. Отличие между ними фиксирует известная поговорка: истина одна, а правда у каждого своя. В правде, в отличие от истины, присутствует оттенок значения, передающий уверенность в собственной правоте; с ним связана и определенная агрессия, с которой отстаивается эта правда.

Истина отличается от правды тем, что первую ищут без гнева и пристрастия, а вторую навязывают с гневом и пристрастием. Именно с таким акцентом вложено это слово в уста «настоящего русского парня» в культовом фильме

¹⁴ Ключевский В. О. Об интеллигенции. Неопубликованные произведения, М.: «Наука». 1983.

«Брат-2»: «Сила в правде: у кого правда, тот и сильнее!» Не случайно именно слово Правда стало названием главного печатного органа большевиков, а также с прилагательным «историческая» включено Путиным в новый текст Конституции.

Абсолютной ПРАВДОЙ Московии является ее догматическое православие, которое по-гречески звучит как ортодоксия, а хранителем этой высшей и абсолютной ПРАВДЫ выступает Русская православная церковь. Как я уже говорил, для Московской цивилизации характерна более жесткая и радикальная ортодоксальность, чем та, которая имела место в Византии.

Поскольку православие – единственно истинная вера, то после падения Константинополя в 1453 году именно Московия становится духовным центром мира. Говоря словами псковского инок Филофея, Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать!

Этот граничащий с нарциссизмом комплекс этнической исключительности или мессианского превосходства является одним из ключевых «генетических кодов» Московской цивилизации. В соответствии с ним русский народ под руководством своего государя должен нести свою правду, а именно свет истинной веры, окружающему миру, а также поддерживать и усиливать его в собственном государстве.

От Московии данный комплекс был унаследован импе-

раторской Россией, но даже еще сильнее проявился в Советскую эпоху, когда место православной ортодоксии заняла коммунистическая.

Симбиоз Церкви и Государства

Особенности взаимоотношений религиозной и светской властей являются ключевым фактором, определяющим путь развития любой цивилизации. Сравнение православного мира с западно-христианским с этой точки зрения является исключительно важным.

В Европе в результате григорианской реформы произошло фактическое размежевание церкви и государства, что проложило дорогу к их взаимной независимости, утрате светскими властями религиозной функции и обретению ими новой опоры в виде корпуса рационально выстроенной системы права.

Об этом процессе пишет Роберт Страйер в своей книге «О средневековых корнях современного государства»¹⁵. В результате конфликта по вопросу инвеституры прежний симбиоз религиозной и светской власти серьезно ослаб. Королевская власть утратила свой религиозный характер. Четко отделив себя от светского правительства, церковь невольно очертила концепцию природы не только собственной, но и светской власти.

Короли, конечно, могли и дальше иметь религиозную ха-

¹⁵ Strayer J.R. On The Medieval origins of The Modern State. 1970 by Princeton University Press.

ризму, «исцелять» больных и считаться «помазанниками Божьими», но при этом они перестали быть руководителями церкви, так как в этой роли победоносно укрепляется фигура Римского папы и его епископов.

Отныне светские правители в гораздо меньшей мере, чем раньше, занимаются церковными делами и в гораздо большей становятся гарантами и организаторами правовой справедливости. Поскольку они не несут прежней ответственности за религию, постольку главным оправданием их власти оказывается обеспечение правопорядка, основанного на законе и справедливом суде. Постгригорианская церковь настаивала на этом. Короли при своей коронации клялись творить справедливость, аполитические мыслители приравнивали несправедливых королей к тиранам.

Вслед за Страйером важность этого процесса подчеркивает Гарольд Дж. Берман:

«Отчасти в подражание каноническому праву, отчасти отталкиваясь от него, императоры, короли, крупные феодалы, власти больших и маленьких городов создавали собственные своды светского права, собственные профессиональные судебные институты и собственный тип профессиональной юридической литературы»¹⁶.

Важнейшим следствием разделения сфер влияния между церковью и государством стало обмирщение (секуляризация) большого числа сегментов общественной жизни, регу-

¹⁶ Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М. 1999, с. 58.

лирование которых было поставлено на рациональную основу.

Не поддержка религии, а осуществление юстиции делало правителей теперь авторитетными, и было тем орудием, которое позволяло им усиливать господство в своих владениях. На практике это вылилось в интенсивный процесс централизованного судебного строительства, а именно – создание разветвленных систем королевских судов, которое наиболее быстрыми темпами осуществлялось в Англии и Франции.

Ни на Руси, ни впоследствии в России никогда не осуществлялась реформа церкви, а по большому счету и реформа государства, – по крайней мере, в его взаимоотношениях с церковью. Опекунство церкви (то дружественная, то враждебная) и сакральная «харизма» власти остаются ее важнейшими точками опоры до сего дня. Нерасчлененность церкви и государства выражается в том, что эти две организации до сих пор не могут оставить друг друга в покое, то подавляя одна другую, то бесцеремонно вмешиваясь в дела друг друга. Путинские поправки в Конституцию еще раз показали, что европейский принцип «отделения церкви от государства» в России до сих пор остается пустым звуком.

В отличие от европейских королей, русские князья и цари продолжали нести ответственность за поддержание не отдельно взятого светского государства, а всего божественного порядка, включая такой его базовый принцип, как господ-

ство церкви. Таким образом, у них отсутствовали стимулы для переноса основного акцента своего правления на обеспечение земной справедливости – иными словами, на поддержание саморазвивающейся правовой системы. Отсутствовал и инструмент такого обеспечения, которым на Западе было либо само римское право, переработанное и адаптированное к национальным условиям профессиональными юристами, либо трансформированное на основе его принципов обычное право.

Вместо того чтобы становиться блюстителями земной справедливости, русские самодержцы продолжали осваивать роль наместников Божьих на земле и в соответствии с этой миссией обеспечивали верховенство не права и закона, а единственно истинной веры, т. е. **ПРАВДЫ**.

Верховенство правды

Истина в русской книжной культуре постулируется как высшая ценность с самого начала существования этой культуры – «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона. В данном произведении истина ставится в один ряд с такой же высшей ценностью, как благодать, и вместе они противопоставляются иудейскому *закону*¹⁷. Хотя понятие *закон* здесь не имеет ничего общего с древнерусским правом, тем не менее, это противопоставление выглядит весьма знаменательно.

Дело в том, что в последующей эволюции русского социума и его культуры *истина* и особенно ее фактический синоним, *правда*, окончательно утверждаются в значении высших ценностей, а *закон* и *право* размещаются на гораздо более низких ступенях ценностной иерархии.

В Киевской Руси это обстоятельство еще не было так ярко выражено, так как слово «правда» в ее времена еще являлось синонимом *права*, поэтому свод законов Ярослава назывался Русской правдой. Но уже тогда этот документ был написан на приземленном разговорном языке – в отличие от «высокого» старославянского слога религиозных текстов. В Европе правовые тексты писались на таком же «высоком» языке,

¹⁷ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб: Наука. Т. 1, с. 28.

как и религиозные, т. е. на латыни, что отражало и высокое положение права в системе ценностей, сопоставимое с религией.

Однако идея о том, что законы государства должны диктоваться не земными предписаниями, а божественной волей, постепенно вызревает в княжеских дворах.

«Одно из житий Александра Невского все принципы права выводит из „Божественных писаний“. По словам этого жития, князь Александр больше всего любил „правосудие“, „о нем же и бояр своих часто наказ уа притчами от божественных писаний“ (Ник.лет. 6748/1240). По словам Никоновской летописи... Эта мысль об исхождении основных принципов государства и права из заветов Священного Писания проходила через все летописи и другие произведения древнерусской письменности»¹⁸.

Во времена Московии свод «земных» законов правдой уже не называется, потому что понятия право и закон в ценностной иерархии московского социума спустились на несколько ступеней вниз. Их сборники стали называться судебниками и уложениями.

Понятие правда, напротив, закрепилось за ценностями более высокого порядка, чем право. Впервые это обнаружил в прошлом веке евразиец Михаил Шахматов, который ввел в научный оборот понятие государства Правды. Он полагал,

¹⁸ Шахматов М. В. Государство Правды (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник. 1925. Книга 4, с. 268–304.

что в наибольшей степени идеалу «государства правды» соответствовала Московия во время правления Ивана III и Василия III»¹⁹.

«Архиепископ Ростовский Васиан в своем послании к великому князю Ивану III именует его «Богом венчанным и Богом утвержденным, в благочестии всея вселенные в концех воссиявшим, наипаче же во царехпресветлейшим и преславным государем». Он именует русский народ «Новым Израилем а Ивана III – «Царем Правды». Уговаривая его смело выступить против татарского хана Ахмата, Васиан восклицает: «Тем же пророчески рещи Богом утвержденный царю: напрази и спей и царствуй истинны ради и кротости и правды, и наствитьтячудне десница твоя; и престол твой*правдою и кротостию и судом истиннымсовершен есть...* Тако глаголет Господь: «Аз воздвигохтя царя правды, призвахтя**правдою...**»²⁰

Согласно «Так называемой царственной книге» в 1533 году Великий князь Василий Иванович в данном на смертном одре завещал боярам и будущему царю Ивану следующую внешнюю и внутреннюю политику:

•
«чтобы была православныхъ христьянь рука высока над безъсерменскими и Латыньскими»,

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

«чтобы была вь земле

правда

»

21

Иван отнесся к завещанию отца серьезно. «Никоновская летопись старается выставить всю законодательную деятельность Ивана как строительство правды: «И все государь строяше, как бы строение воинству и службы царская безо лжи была и без греха **вправду**»²².

Шахматов считает, что Иван Грозный рядил все государство на основании общих религиозно-нравственных принципов в первую, доопричную половину своего царствования (Никол, лет. 7064/1556). Но историк Руслан Скрынников считает, что и опричина была продиктована той же идеологией: «вводя опричину, Грозный обещал навести в стране порядок и утвердить *правду*»²³.

Не случайно и главная газета большевиков называлась «Правда» и Владимир Путин поместил ее в свою Конституцию так же, как и Бога, который, очевидно, является православным Богом.

²¹ Такназываемая царственная книга // Полное собрание русских летописей, Том 13, вторая половина, СПб 1906, с. 413.

²² М. В. Шахматов – Государство Правды (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник. — 1925. — Книга 4. — С. 268–304.

²³ Скрынников Р. Царство террора, СПб. 1992, с. 225.

У ПРАВДЫ корень общий с ПРАВОМ, а смыслы противоположные. Субъективная уверенность в своей правоте (правда) несовместима с поиском истины в судебном процессе. Независимого суда в России нет не потому, что его ненавидит корыстная элита. Его отторгает сама природа русской души.

Подчиненность права

Понятие верховенство права является не совсем точным переводом английского *rule of law*. Более точный перевод, конечно же, правление права. В то же время термин «верховенство права» достаточно точно отражает ценностную иерархию европейских социумов.

Согласно Гарольду Дж. Берману, «идея секулярного государства, которая возникла из исторической борьбы между церковью и светскими силами, заключала в себе идею и реальность государства, управляемого законом, правового государства (нем. – *Rechtsstaat*)». Это означало, что главы обоих сообществ, светского и церковного, создают и поддерживают свои правовые системы, «и вообще, управляют посредством права», главы каждого из двух сообществ связаны правом, которое они сами ввели в действие – «это имплицитно содержалось в подчинении законодательной власти суверена его судебной власти»²⁴.

При этом запрос на верховенство права и его королевские гарантии формировался и в обществе, что порождало требования к соответствующим ограничениям для самих королей. Независимо от того, чего хочет сам правитель, общество ев-

²⁴ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. 1998, с. 278

ропейских стран в позднее Средневековье при помощи большого разнообразия стратегий и тактик все настойчивее при-
нуждает его придерживаться права как базового принципа
управления.

Высокий статус права в иерархии западных ценностей на-
прямую связан с такой уникальной особенностью, как само-
стоятельное положение правовой системы по отношению к
другим системам социума, прежде всего политической и ре-
лигиозной.

Следуя этой традиции, Запад до сих пор «придерживает-
ся принципов независимости права, независимости юриди-
ческой науки, независимости правовых институтов, незави-
симости юридической профессии»²⁵.

Это означает, что правитель зависит от закона, а не наобо-
рот. Только при таком условии право может развиваться как
независимая система.

«Такие принципы, как публичное принятие важнейших
решений, что традиции не могут меняться без публичного
согласия, что повышать доходы правителя можно только с
согласия избранных представителей, принцип «что касается
всех, должно быть одобрено всеми» и др. – были обретены в
договорах феодального права, в обычном праве и в возрож-
денном римском праве. Еще более важно то, что эти идеи
формировали консенсус в народном мнении»²⁶.

²⁵ Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М. 1999, с. 60.

²⁶ Strayer J. R., *Op. Cit.*, p. 65—66.

На Руси, мимо которой далеко стороной прошел и спор об инвеституре, и «папская революция», консенсус никогда не формировался по поводу любого из принципов, перечисленных Бергманом и Страйером. Оставшись в стороне от процесса рецепции римского права, Московия не имела возможностей развивать в своем социуме то правовое измерение, которое отличает Европейскую цивилизацию от всего остального мира. Право и закон в России всегда были и до сих пор остаются не руководящими принципами управления, а его подсобными инструментами или подручными средствами.

Историки русского права отмечают, что «знание законов и умение с ними обращаться приобретались почти исключительно в процессе практического осуществления правосудия или при составлении различного рода деловых бумаг. Соответственно, носителями такого знания и умения... становились... преимущественно служащие государственного аппарата»²⁷.

Если верховенство (правление) права следует считать базовым принципом западной государственности, то для российской характерна подчиненность или зависимость права, имеющая в качестве своей обратной стороны неограниченную власть самодержца. Соответственно, и в системе ценностей западной цивилизации, начиная со Средневековья, право имеет основополагающее значение, а в российской до сих

²⁷ Развитие русского права в XV – первой половине XVIII века. М. 1986, с. 46.

пор – вспомогательное и прикладное.

Данное обстоятельство редко принимается во внимание историками, которые анализируют причины быстрого роста Московского государства во второй половине 15 – начале 16 века. Столь впечатляющие успехи централизации и «собрания земель» под рукой Великого князя московского были бы вряд ли достигнуты при наличии такого фактора сопротивления, как защита населением присоединяемых княжеств собственных правовых порядков, защищающих реальные права и свободы. Определенную степень сопротивляемости этой экспансии продемонстрировал Великий Новгород, в том числе, по-видимому, по той причине, что имел более «продвинутой» правовую систему, нежели другие русские княжества.

Среди десяти элементов, составляющих по Гарольду Дж. Берману западную традицию права²⁸, в Московской Руси можно отыскать один-два, да и то с большой натяжкой. В числе тех, которые напрочь отсутствуют, уместно упомянуть «веру в верховенство права над политической властью. Предполагалось, что закон, по крайней мере, в некоторых отношениях, стоит выше политики и сам накладывает обязательства на государство»²⁹.

Этот «элемент» в настоящее время столь же далек от рус-

²⁸ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. 1998, с. 25–27.

²⁹ Там же, с. 41.

ской правовой традиции, как и во времена Ивана Грозного. Вследствие этого российская традиция демонстрирует одну из самых высоких в мире степеней зависимости права от политики верховной власти, которая, в свою очередь, ни как им не связана. В данной системе координат право является инструментом политического господства, порождает систему подневольных судов, низводит статус юриста до категории обслуживающего (власть) персонала – и в таком своем качестве поддерживает в социуме общее состояние несправедливости.

Если западное право ставит власть в какие-то рамки даже в эпоху абсолютизма, а в России до сих пор господствует принцип: **право – ничто, власть – все.**

О том, что термин «абсолютизм» в значении «абсолютная власть» не очень подходит к западным монархиям, убедительно писал Никлас Хеншелл. По его мнению, та якобы абсолютная власть, которая обычно приписывается историками европейским монархам, на самом деле уравнивалась правами подданных³⁰. При этом «государи, так же, как и сословные представительства, сознавали, что их долгом было защищать закон и гарантировать права»³¹.

«Абсолютная власть правителей заканчивалась там, где начинались права их подданных. Вот почему эти права также назывались „свободами“: они определяли область, недо-

³⁰ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб. 2003, с. 168.

³¹ Там же, с. 205.

ступную власти монарха». Здесь речь идет о том, что выше было названо «зонами автономии». «Короли даровали процветающим городам хартии, вводившие самоуправление, позволявшие содержать рынок, строить оборонительные стены и тем самым защищать свою независимость физически, если в том будет необходимость. К эпохе раннего Нового времени эти осязаемые границы, которые монарх не мог нарушать, трансформировались в абстрактную концепцию свободы. Монархи не обладали монополией на власть. Это показывает та тщательность, с которой юристы в каждой стране определяли и совершенствовали королевскую прерогативу. Если бы королевская власть распространялась повсеместно, в этом не было бы необходимости. Даже в вопросах юстиции действие королевской власти обычно ограничивалось определенными видами преступлений (например, заговорами) и определенными местами (например, королевскими дорогами). Большинство судов было не королевскими, а городскими и сеньориальными, хотя право апеллировать к короне существовало. В частности, в основных законах почти всех государств, за исключением России, подчеркивалось, что королевская прерогатива не распространяется на жизнь, свободу и собственность подданных. Это были права свободных людей, данные им при рождении»³².

Хотя Хеншелл не говорит об этом прямо, но из его книги явно вытекает, что из всех европейских стран Средневе-

³² Там же, с. 200.

ковья и Нового времени понятие «абсолютизм» правомерно в применении только к России: «концепция „абсолютизма“, согласно которой королевская власть распространяется на законодательство и налогообложение, исключает из круга нашего рассмотрения Англию. Но тогда из нее следует исключить все остальные государства раннего Нового времени, ни в одном из которых, за исключением России, люди не могли бы подчиниться столь деспотическим порядкам»³³.

Находясь в подчиненном положении в Московском социуме, право не в состоянии «определять область, недоступную власти монарха», что полностью развязывает ему руки для бесконтрольного вторжения в любую «область». Подобная специфика права не просто допускает, но неизбежно предполагает монополию на власть.

Русскому царю не нужны никакие юристы для того, чтобы отстаивать в чем-то свои прерогативы, так как эти прерогативы, с одной стороны, распространяются на все, а с другой – их ничто не ограничивает.

Абсолютная, деспотическая, самодержавная власть – неизбежное следствие подчиненности права, из которой вытекают также традиции пренебрежения к праву, правового нигилизма и бесправия, сохраняющие свое влияние по сей день.

Неуважение к гражданским правам, правам человека, правам собственности – все эти аспекты современной Рос-

³³ Там же, с. 195—196.

сии являются прямым наследием Московской цивилизации.

Хотя это наследие и выгодно властям, так как помогает им сохранять и продлевать свое господство, при этом все же нельзя сказать, что оно навязано населению против его воли.

Власть не могла бы навязывать народу бесправие, если бы он сам не давал ей на это санкцию по причине своего того же самого пренебрежения правом, который он с этой властью разделяет.

И при одобрении/неодобрении действий власти право не является критерием вообще, либо является далеко не в первую очередь. Ярким свидетельством подобной реакции является отношение российского общества к присоединению Крыма в 2014 году.

Трудно найти пример, когда столь очевидное пренебрежение правом (не только международным, но и российским) встречает столь горячую поддержку подавляющего большинства населения³⁴.

³⁴ Отношение к присоединению Крыма. Последствия для экономики и международного положения России: <https://fom.ru/Politika/> 14182. 14 марта 2019.

Бесправное общество

Пренебрежение правом во имя более высоких идеалов является частью консенсуса между властью и обществом, их «общественного договора». Отсутствие права в «общественном договоре» влечет за собой бесправие общества, охватывающее собой как народ, так и элиту.

Предпосылки будущего бесправия формировались уже в киевские времена. Защита самых элементарных «прав и свобод» осуществлялась Русской правдой лишь в примитивном, зачаточном виде. По описанной выше причине – изоляции от правовых традиций Античности – на Руси не смог осуществиться синтез свободы и права.

Свободы в Киевской Руси изначально в чем-то были больше, чем в Европе, но трагедия древнерусского социума заключалась в том, что эта свобода в силу вышеназванных процессов не была зафиксирована и гарантирована в высокоразвитой и почитаемой обществом правовой системе.

О том, какие последствия данное обстоятельство имело для русской элиты, хорошо написал Ричард Пайпс, объясняя, почему в средневековой России не сложился феодализм западного типа: «Отсутствуют свидетельства взаимных обязательств, лежавших на князе и его слугах, и, таким образом, какого-либо намека на юридические и нравственные „права“

подданных, что не порождало особой нужды в законопрании и суде. Ущемленному боярину некуда было обращаться за справедливостью; у него был единственный выход – воспользоваться своим правом перехода и переметнуться к другому господину. Следует признать, что свобода отделения – „право“, которым боярин, можно сказать, и в самом деле обладал – есть основополагающая форма личной свободы, которая, на первый взгляд, должна была способствовать складыванию в России свободного общества. Однако свобода, которая не зиждется на праве, не способна к эволюции и имеет склонность обращаться против самой себя»³⁵. Но и основная масса народа во многом была порабощена по той же самой причине – отсутствию синтеза свободы и права. В Киевской Руси крестьяне были свободнее, чем в большинстве европейских стран, во многих из которых в эти времена формировалось крепостное право. Русская правда хотя бы в какой-то минимальной степени защищала личность и имущество смердов, т. е. свободных крестьян, а первый же свод законов Московии – Судебник – ограничил их свободу Юрьевым днем. Свобода перехода от одного землевладельца к другому не получила закрепления в более или менее зрелом законодательстве. Поскольку она «не зиждилась на праве», то при усилении государства легко «обратилась против самой себя», т. е. была ликвидирована. Бесправие общества возникло не оттого, что самодержавие сознательно по-

³⁵ Пайпс, Ричард. Россия при старом режиме, М. 1993, с. 73

давляло и притесняло чьи-то права, а потому что закон не рассматривался в качестве механизма фиксации и гарантирования прав. По этой причине в Московии вплоть до петровских времен отсутствовал сословный строй.

«Сословия отличает определенный законом наследственный статус их членов, т. е. не просто положение членов корпорации на социальной лестнице, но и права, привилегии и обязанности. Вот закона-то и не было, ибо право в России вообще было развито крайне слабо. Даже такой сводный и охватывающий, казалось бы, все сферы жизни общества кодекс, как Соборное уложение 1649 года, целиком построен на прецеденте и формулирует, соответственно, не права тех или иных групп, а в основном запреты и ограничения. Правда, был обычай, но выше и важнее его была воля государя, перед лицом которой все социальные группы были совершенно бесправны и имели лишь обязанности»³⁶.

По мнению Александра Каменского, «отсутствие сословий в указанном смысле и, как воплощение этой системы, крепостное право – вот самое важное, определяющее в специфике исторического развития... Московского государства»³⁷. К этому можно добавить только формулировку основной причины такого состояния. Она не в том, что московские князья и цари установили такой порядок «волей го-

³⁶ Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. 1999, с. 39—40.

³⁷ Там же, с. 40.

сударя». Социальные группы и слои, даже когда они съезжались на вызванные временной слабостью государства Соборы, не имели возможности надежно зафиксировать свои права и обязанности в четких постулатах высокоразвитого и динамично развивающегося права.

Подневольное состояние права, естественно, не могло не сказаться и на правах собственности, которые на Руси по всем параметрам сравнения уступают современным западным аналогам. «Вотчинное государство» (Пайпс), в котором князь или царь рассматривает всю его землю как свою собственность, возникает по той же причине, что и «бессловенность» общества. Грубо прописанное лаконичное законодательство, не имеющее обратной связи между законодателем и поданными, не находящееся в постоянном развитии, просто неспособно обеспечить защиту прав собственности внутри вотчины. Когда же в 17—18 веках эта ситуация начинает меняться, оказывается, что усиление защиты собственности происходит только в отношении элиты и высших классов. Слабость правовой традиции приводит к неравномерному распределению прав собственности, обрекая страну на непреодолимый чудовищный раскол между богатым меньшинством и нищим большинством.

Непарламентская страна

Поскольку право отсутствует в «общественном договоре» Московии, постольку отсутствуют и структуры, призванные защищать права общества от верховной власти.

Сильная власть навязывает слабому обществу свое право, не позволяя создавать институты, защищающие его права. В этой ситуации полностью отсутствуют предпосылки возникновения сильного сословного представительства, наиболее зрелой фазой которого является парламентаризм. Принципиально разная роль сословного представительства в системе государства относится к базовым пунктам «великого расхождения» между Россией и Западом, вытекающим из позиционирования права.

Идею политического представительства Страйер называет «одним из великих открытий средневекового правления»³⁸. В средневековой Европе представительные ассамблеи в 12—13 вв. появляются повсюду. При этом «большинство ученых соглашается с тем, что эти ассамблеи тесно связаны с ростом средневековых судов и средневековой юриспруденции»³⁹.

³⁸ Strayer J. R., *Op. Cit.*, p. 64.

³⁹ *Ibid.* P. 65.

Как пишет Хеншелл, «права, представительство и согласие возникли отнюдь не в просвещенном XVIII веке. Они являлись частью городской республиканской традиции, появившейся в раннее Новое время и вошедшей в теорию и практику каждой монархии... Сословные представительства существовали для защиты прав и свобод... Они существовали для того, чтобы давать согласие сообщества или корпорации на введение правительственных актов, касавшихся их прав. Фактически они представляли собой республиканский компонент монархической системы. Они воплощали идеологию, которая оберегала древние обычаи, утвержденные привилегии, контракты и хартии. Их риторикой была свобода, а их санкцией – прошлое. Их делом было вести переговоры о вторжении правительства в сферу иммунитета. Поэтому они в некотором смысле обеспечивали ограничение королевской власти, поскольку сдерживали те действия, которые власть предпринимала по собственной инициативе. Но это можно назвать ограничением, только если предположить, что монархи желали неограниченной власти. Но так как они в большинстве своем уважали законы, значит, такой власти не желали»⁴⁰.

Русская политическая культура всегда отвергала институт парламентаризма с не меньшим энтузиазмом, чем принцип правления права.

Прав москвитян не защищают ни городские хартии, ни

⁴⁰ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб. 2003, с. 205—206.

гильдии и корпорации, ни парламенты (ни в английском, ни во французском варианте). Выборные структуры в Московии существуют, но не для того, чтобы «декларировать в законах и охранять права», тем самым представляя интересы выборщиков, как это делали европейские парламенты и Генеральные штаты⁴¹. Видимо, по этой причине в истории Земских соборов практически нет ни одного случая, когда их представители вступают в конфликт с царем по какому-либо вопросу. Боярская Дума и Земские соборы не были представительными ассамблеями, защищающими права сословий. Единственная функция, которая роднит их с европейскими представительствами – это легитимация власти монарха и принимаемых им решений. Специфика России лишь в том, что здесь легитимация осуществляется на основе не согласования интересов, а традиций соборности, т. е. единения народа с монаршей волей.

«Соборы возникли не по требованию сословий для ограничения царской власти, а по инициативе государей для упрочения их власти»⁴². «В руках царя земские соборы были лишь одним из орудий управления подданными»⁴³. Более значимую роль, по-видимому, и не могло играть сословное

⁴¹ Там же.

⁴² Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л. 1980, с. 166.

⁴³ Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. 1999, с. 39.

представительство в стране, где и само право было не руководящим принципом, а «одним из орудий управления поданными».

То, что в современной России нижняя палата парламента называется Думой, а вместе с верхней Федеральным Собранием – не символическое совпадение, а прямое присутствие в современных российских реалиях цивилизационного наследия Московской Руси. В первую очередь, наследована сама модель: сильная власть – слабое общество.

Федеральное Собрание не гарантирует россиянам предусмотренные Конституцией права и свободы, а постоянно их сворачивает. В этом также прослеживается одна из правовых традиций Московии.

«По Уложению 1649 года даже отменено участие общества в судебных делах; по Судебникам и по всем прежним законам на суде наместничьем непременно должны были присутствовать выборные от общества старосты и целовальники со своим земским дьяком... по Уложению же суд предоставлен решительно одним воеводам и их приказным людям и сделался более или менее произвольным, со множеством канцелярских форм, страшно распространивших писанье и запутанность дел. Даже вызов в суд, сперва много зависевший от общества, без согласия которого по Судебнику нельзя было взять вызываемого в суд, по Уложению стал вполне зависеть от воевод и приказных людей, которые, не спрашиваясь никого, насильно волочили в суд кого вздумается, и

общество не имело уже никакого голоса в защиту своих членов»⁴⁴.

Заметим, что это очевидное ухудшение прав всех подданных, включая и дворянство, которое, по мнению многих историков, являлось главным «лоббистом» Уложения, было спокойно принято и «утверждено» Земским Собором 1649 года так же легко, как отмена срока давности по поиску беглых...

Государственная дума начала 20 века так и не добилась самостоятельности. В 90-е годы Россия была ближе всего к возможности освоить институт парламентаризма, однако именно в это время и произошел расстрел парламента – событие, которому трудно подыскать аналогию в мировой истории. Злая ирония судьбы, однако, прямо вытекающая из российской «колеи».

⁴⁴ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, М. 2011, с. 702.

Догоняющая мобилизация

Смирясь в той или иной степени с ограничениями своей власти, средневековый монарх в Западной Европе тем самым еще и признает существование иных юрисдикций, помимо королевской и церковной. Это, в первую очередь, юрисдикции городских коммун, образующие в своей совокупности самостоятельную систему муниципального права; сеньорий (манориальное право), торговых сообществ и гильдий (торговое право) и т. д. Все они являлись зонами автономии – самостоятельного регулирования определенных сфер жизни.

На Руси множество юрисдикций ограничивалось только двумя – церковной и царской, но и между ними не было той четкой грани, которая могла бы обозначиться только в результате глубокого конфликта. Поэтому две эти сферы не являлись зонами автономии по отношению друг к другу: государство всегда так или иначе доминировало над церковью и часто ее подавляло.

Другие юрисдикции, аналогичные тем, которые имели место в европейских странах, в России отсутствовали.

Города, поместья и купеческие дома жили не по своим установлениям, а по уложениям и указам царей. Что же касается органов местного управления (губные избы), то им было

предназначено быть не исполнителями воли выборщиков, а агентами государства; поэтому в данном случае нет никаких оснований добавлять к слову «управление» приставку «само».

В отсутствии саморегулируемых зон автономии заключается одна из причин, по которым Россия была обречена на отставание, периодически сменявшееся гонкой за убегающим Западом.

В числе «триггеров», за счет которых обеспечивалось «опережающее» развитие европейских стран, принято называть средневековую «революцию городов», без которой были бы немыслимы ни буржуазия (класс, связанный в европейских языках с городами даже этимологически), ни капитализм, ни индустриальная революция, короче, было бы нереально все то, что связано с понятиями модернизации, прогресса и собственно развития.

Отдавая себе в этом отчет, обратим внимание на следующее соображение Бергмана: «Трудно даже представить возникновение европейских городов без городского правового сознания и системы городского права. Даже если бы это произошло и на Западе каким-то образом возникли крупные густонаселенные центры торговли и промышленности, не имеющие фундамента в виде городского права, какими бы они были? Быть может, как римские пограничные города, они были бы форпостами какой-нибудь административной власти или они были бы, как исламские города, просто больши-

ми деревнями, лишенными независимого характера, не имеющими самостоятельной, целостной общественной жизни... Но вот городами в современном западном смысле они бы никогда не стали. Они были бы лишены осознанного корпоративного единства и способности к органичному развитию, черт, которые и придали западному городу его уникальный облик»⁴⁵.

В этом перечне наряду с исламскими можно было бы упомянуть и русские города, которые как раз и были такими «большими деревнями, лишенными независимого характера». В них полностью отсутствовала самостоятельная система городского права, главными чертами которой, согласно Берману, был светский характер, «конституционный» порядок (наличие собственных писаных хартий, фиксирующих организацию управления, основные права и свободы, рациональную судебную процедуру), системная целостность, к которой стремились под влиянием римского права, и обязательно – способность к росту, т. е. к осознанному органичному развитию⁴⁶.

Все это означает, что многообразие городской жизни, помещенное в рамки писаного, но не навязанного сверху закона, порождало динамику постоянного развития, получающего импульсы не только извне, но и изнутри самого себя.

⁴⁵ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. 1998, с. 341.

⁴⁶ Там же, с. 372.

Аналогичный набор признаков, порождающих динамику внутреннего развития, был присущ и другим системам (юрисдикциям) европейского права – королевской, торговой, гильдейской и т. д. В период Нового Времени, когда все эти юрисдикции сливаются в единую систему общенационального права, этот динамический аспект передается и ему.

«Западная правовая традиция все еще исходит из убеждения, что до тех пор, пока право остается независимым, пока оно отвечает здравому смыслу и морали, пока оно развивается и растет, откликаясь на требования времени, оно способно решать индивидуальные и социальные конфликты, поддерживать порядок и справедливость»⁴⁷.

Бермановский анализ внутренней динамики, присущей западным правовым системам, дает ключ к пониманию эндогенных факторов развития западного мира, попутно проливая свет на причины того, почему эти факторы не сформировались в других частях света, среди которых нас в рамках данного исследования в первую очередь интересует Россия.

Отсутствие такого рода зон автономии, являясь особенностью подавляющего числа государств незападного мира, порождает дефицит внутренних импульсов развития. Данная проблема становится наиболее острой для тех из них, которые расположены к Западу ближе всего и тем самым находятся в сфере его наибольшего влияния. Именно это и случилось с Россией.

⁴⁷ Там же, с. 60.

Эндогенные факторы развития – своеобразные «двигатели прогресса» – были органически связаны с западной цивилизацией и в рамках Российского цивилизационного процесса без заимствования развиваться не могли. Но и с заимствованием, как показала история, возникли большие проблемы.

Постоянное «убегание» вперед геополитических конкурентов с Запада рано или поздно ставит русское государство перед дилеммой «догнать или пропасть». Но оно не может догонять Запад, заимствуя его «двигатели прогресса», т. е. фундаментальные основы его ментальности и общественного устройства. Поэтому заимствовать приходится, во-первых, только результаты работы «двигателей» – технологии промышленности и государственного управления, военное дело, культурные достижения, политические и прочие идеи (но не связанные с ними институты), а во-вторых, делать все это выборочно, поскольку собственная цивилизационная основа отторгает то, что с ней несовместимо.

Зато сам Бог велел для решения задач развития использовать то, что эта основа предполагает. Заложённая в ней модель «сильная власть – слабое общество» существенно отличает Московию от Европы и, напротив, сближает с азиатскими деспотиями. Она обладает мощным потенциалом тотальной мобилизации – способности методами принуждения обеспечить напряжение всех сил общества для решения государственных задач и совершить рывок в развитии.

Данная способность сформировалась еще на заре Московской Руси, когда Иван III производил испомещивание своего войска; следующим актом мобилизации такого же типа явилась опричина Ивана Грозного. Эти мероприятия еще не несли в себе внутреннего противоречия, так как применялись для заимствований не с Запада, а скорее из Османской империи, которая сама была мобилизационной. Безусловно, мобилизационным по своей сути было и такое, растянувшееся почти на 100 лет мероприятие, как закрепощение крестьян.

Механизмы массовой мобилизации применялись и в ходе петровских реформ, когда «окно в Европу» прорубалось путем сгона крестьян на строительство флота или Санкт-Петербурга. В 20 веке примерами мобилизаций являются военный коммунизм, коллективизация, индустриализация. Данная традиция имела отголоски при Хрущеве (освоение целины) и при Брежневе (строительство БАМа). В путинской России рецидивами мобилизационной стратегии для некоторых групп населения являются мероприятия по обеспечению легитимности, например, принудительное голосование бюджетников.

В Европе сопоставимых по масштабам мероприятий мобилизации в целях развития не было вплоть до тоталитарных режимов 20 века, у которых тоже сложно отыскать нечто, похожее по масштабам на современный им СССР. Мобилизация на Западе ограничивается задачами военного характе-

ра, а для целей развития государство применяет совершенно другие механизмы, связанные со стимулированием эндогенных «точек роста», что вытекает из европейской цивилизационной модели «сильная власть – сильное общество».

Для использования механизмов мобилизации в целях развития у государства на Западе слишком много ограничений, «сдержек и противовесов», а у общества слишком много вольных привычек, прав и свобод, формировавшихся в течение столетий. Однако отсутствие механизмов мобилизации при этом с лихвой компенсируется наличием зон автономии, которые выступают в качестве двигателей эндогенного развития.

В мобилизационных государствах отсутствие таких «двигателей» порождает серьезную проблему. Как только механизмы централизованной мобилизации прекращают работать, сразу же наступает застой. Это может происходить как по причине истощения сил общества, так и в результате смерти энергичного правителя. В российской истории наблюдается еще и такой фактор застоя, как «почивание на лаврах» правящей элиты после крупных военных побед.

Справедливость земная и небесная

Христианство как религия уделяет минимальное внимание вопросам обеспечения земной справедливости, перемещая конечный пункт ее наступления на небеса.

Согласно христовым «заповедям блаженства», нищих, голодных, плачущих, гонимых и т. д. ждет «награда на небесах», а богатых, пресыщенных и смеющихся, напротив, возмездие⁴⁸.

В отличие от священных текстов зороастризма, иудаизма и ислама, Евангелие практически не уделяет никакого внимания суду и иным процедурам, обеспечивающим справедливость, а также не исключает порабощения одних единоверцев другими.

«В иранской традиции корни социальной справедливости прослеживаются в религиозных верованиях. Ахемениды (560–330 до н. э.) гордились своими законами, неподкупностью судей, справедливостью экономических правил, равенством в выплате вознаграждения персам и иностранцам, находящимся на службе»⁴⁹.

⁴⁸ Лк 6, 20–23.

⁴⁹ Farhang Mehr. *Social Justice in Ancient Iran // Social Justice in the Ancient World*, ed. By K. D. Irani and Morris Silver. Wesport, Connecticut, London. 1995. p. 88.

В Ветхом Завете известны:

- псалом 81 – «давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость»;
- книга притч (22) – «не будь грабителем бедного, потому что он беден, и не притесняй несчастного у ворот, потому что Господь вступится в дело их и исхитит душу у грабителей их».

В Коране:

- «Воистину, Аллах повелевает блюсти справедливость, делать добро» (сура ан-Нахль, аят 90);
- «Аллах велит вам возвращать... судить по справедливости, когда вы судите среди людей» (сура ан-Ниса, аят 58);
- «Свидетельствуя перед Аллахом, отстаивайте справедливость... Не потакайте желаниям, чтобы не отступить от справедливости» (сура ан-Ниса, аят 135).

В этих и многих других аятах пророком предписывается соблюдать земную справедливость. Практическим воплощением этого принципа является один из столпов ислама – закят (обязательный налог в пользу нуждающихся): пожертвования предназначены для нищих и бедных, для тех, кто занимается их сбором и распределением, и для тех, чьи сердца хотят завоевать, для выкупа рабов, для должников, для расходов на пути Аллаха и для путников (сура 9: Покаяние – Аят: 60).

Требование земной справедливости также запрещает мусульманам обращать в рабство единоверцев. Оно же порожд-

дает и мусульманскую систему права – шариат.

Ничего подобного христианство не производит, так как требование земной справедливости в нем практически отсутствует. Напротив, согласно этой религии, несправедливость (включая рабство) должна царить на земле для того, чтобы воздаяние за нее было получено на небесах.

Иудаизм и ислам с их очевидными императивами земной справедливости следуют всей восточной традиции, восходящей к древней Месопотамии. При достаточно смутных, а то и отсутствовавших представлениях о загробном мире верховное божество на Востоке всегда предписывало царям творить справедливость на земле.

«Одной из распространенных характеристик вавилонского царя является словосочетание шар киттим у мишарим „царь справедливости“. Киттим и мишарим – два синонима с приблизительным значением „справедливость“ ... слово киттум обозначало справедливость в смысле обеспечения устоявшихся норм общественного порядка: человек, взявший у кого-то займы, должен был выплатить свой долг с установленными процентами. Напротив, справедливость мишарум была связана с „восстановлением равенства“: человек, обремененный долгами, должен был иметь шанс на облегчение своей участи»⁵⁰.

Концепция мишарум была довольно сильным препятствием на пути порабощения слабых членов общества силь-

⁵⁰ Шарпен Д. Хаммурапи, царь Вавилона, М. 2013, с. 203.

ными. Ее конкретным проявлением была долговая амнистия, которую вавилонский царь провозглашал во время восшествия на престол, а также не раз и во время своего правления, например, по случаю военных побед. Такие меры оформлялись специальными «указами справедливости»⁵¹.

С этой традицией христианство полностью порывает. Оно не формулирует к светской власти никакого императива справедливости. Вместо этого к подданным формулируется требование быть покорными любым властям.

Апостол Петр (1 Пет.2:13—14): «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым».

Апостол Павел (Рим.13:1—2) – «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение».

С этой точки зрения несправедливая власть является Божьим испытанием и потому подчиняться ей для спасения души даже более важно, чем власти праведной. Обращенный к подданным императив покорности как бы подразумевает, что власть может быть любой, в том числе несправедливой, например, творить неправый суд.

Подобная идеология явно парализует желание власти тво-

⁵¹ Там же.

ритель справедливость в любой из форм, завещанных человечеству вавилонскими царями – как киттум, так и мишарум.

В населении эта же идеология парализует способность к сопротивлению властному произволу; с этой точки зрения христианство, несомненно, ответственно за такой «генетический код» нашей цивилизации, как пресловутая «покорность русского народа».

По признаку отношения к справедливости русская традиция противостоит странам Востока, где обычным делом была государственная эксплуатация населения, однако выработанная тысячелетиями идеология справедливости препятствовала чрезмерному развитию частной эксплуатации. Феномен крепостного права не получил на Востоке такого мощного размаха, как в России – за исключением случаев внешнего завоевания той или иной страны (например, монголами – Ирана). В практике Московского государства не было никаких аналогов «указам справедливости», служившим отличным «средством профилактики» массового рабства. Если эти указы издавались вавилонскими царями примерно раз в 20—30 лет, то Юрьев день, например, отмененный в конце 16 века, русским царям не приходило в голову объявить ни разу вплоть до отмены крепостного права в 1861 году.

Но с западной традицией русская в данном отношении тоже расходится. В отличие от Руси, в западноевропейских странах влияние христианской идеологии, парализующей у

государства инстинкт справедливости, было сбалансировано рецепцией римского права, на реализацию принципов и идей которого григорианская реформа ориентировала светскую власть. В результате на Западе выработалась практика обеспечения государством справедливости, чем-то напоминающим месопотамское понятие киттум (см. выше). На Руси по указанным выше причинам евангельская концепция государственной власти – требующая покорности к ней при ее полной безответственности – не получает никаких противовесов, поэтому на вопросах обеспечения земной справедливости правители сосредоточены в гораздо меньшей степени, чем западноевропейские. Да и не было у них для этого такого подспорья, как обработанное и адаптированное множеством юристов к условиям существования страны римское право.

По этой причине на Руси отсутствовали какие-либо ограничения частной эксплуатации, подобные «указам справедливости» или запрет порабощения персов при Сасанидах, мусульман в исламском мире и т. д. В России православные вполне могли поработать друг друга без всяких ограничений.

На фоне пренебрежения справедливостью, которое становится одним из принципов поведения властвующей элиты, резким контрастом выглядит принцип уравнительной справедливости, выработанный веками существования крестьянской передельной общины. На основе этого принципа в русском народе (особенно в поработанном крестьянстве) фор-

мируется запрос к государству в целом, чем-то напоминающий концепцию мишарум, но только никак не уравновешенную концепцией киттум. Данный запрос на распространение принципа уравнительной справедливости с уровня крестьянской общины на уровень государства в целом становится одним из основных двигателей русской революции в 20 веке.

От мобилизации к сверхэксплуатации

В государстве, не обладающем развитой правовой системой и глубоко укоренившимися традициями обеспечения справедливости, постепенно накапливается и в одно не слишком прекрасное время побеждает соблазн правящей элиты использовать власть не столько ради выживания и/или развития страны, сколько с целью обогащения или даже сверхобогащения – за счет остального населения этой страны.

В современной политологии подобный тип государства хорошо изучен. Д. Асемоглу и Дж. А. Робинсон называют его «экстрактивным» (от англ. to extract— «извлекать», «выжимать»), институты которого «направлены на то, чтобы выжать максимальный доход из одной части общества и направить его на обогащение другой»⁵².

Экстрактивное государство эти авторы противопоставляют инклюзивному (от англ. inclusive – «включающий в себя», «объединяющий»).

Сравнивая ситуацию в современной Северной Корее и

⁵² Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные? Происхождение власти, процветания и нищеты. М. 2015, с. 89

Латинской Америки времен колониализма, они подчеркивают наличие между ними общих экстрактивных особенностей. «Ни здесь, ни там не существовало ни независимой правовой системы, ни равных возможностей для всех. В Северной Корее правовая система является всего лишь одним из инструментов коммунистической партии, в Латинской Америке она в основном использовалась для того, чтобы поддерживать дискриминацию трудового населения»⁵³.

Для стран свободного мира характерны совсем другие институты, которые Робинсон и Асемоглу называют инклюзивными⁵⁴:

«Они разрешают и, более того, стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, а это позволяет наилучшим способом использовать его таланты и навыки... Частью инклюзивных институтов являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности...»⁵⁵.

Однако, как представляется, Асемоглу и Робинсон в чем-то упрощают картину. Это видно даже на приведенных им примерах. Авторы игнорируют историю формирования экстрактивных государств. В Северной Корее она связана с мобилизацией населения компартией на решение различных

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, с. 87.

национальных задач, в первую очередь –противостояние с США и в целом с Западом. В Латинской Америке этот тип государственности возникал в процессе порабощения и прямой эксплуатации коренного населения испанцами.

В Южной Америке государство сразу создавалась как экстрактивное, для чего с самого начала вводился институт энкомьенда, сочетавший налоговое время с барщиной на рудниках.

Другая ситуация была не только в Северной Корее, но и во многих других странах незападного мира, где государство систематически занималось мобилизацией населения, необходимой для решения задач выживания и/или развития. К их числу, безусловно, относится и Россия.

Более близкое (географически) к ней сопоставление можно провести на примере так называемого «вторичного закрепощения крестьян» в Восточной Европе: Пруссии, Польше, части империи Габсбургов. В этих странах закрепощение осуществлялось в основном по экономическим причинам: стимулом к сверхэксплуатации крестьян были сверхвысокие доходы от экспорта зерна в Западную Европу. Россия до 19 века не демонстрировала столь высоких объемов экспорта зерна, в определенные периоды такой экспорт вообще был запрещен. Главной причиной закрепощения здесь была мобилизация крестьянства с целью материального обеспечения военной и иной государственной службы дворян. Применяя терминологию Асемоглуи Робинсона, цели «экстрак-

тивности» были разные. В Восточной Европе цель заключалась в обогащении помещиков, т. е. там экстрактивное государство, как и в Южной Америке, устанавливалось сразу с целью прямой эксплуатации. В Московии главной целью первоначально была мобилизация социума на решение государственных задач: выживания и территориальной экспансии в условиях нескончаемых войн.

Эти задачи решались путем создания системы государственного давления на основного производителя страны с целью выжимания из его труда максимально возможной доли общественного прибавочного продукта, неизбежно скудного в условия зоны рискованного земледелия, в которой находилась Московия⁵⁶.

При Петре I к задачам выживания и экспансии добавился еще и «рывок развития», связанный со стремлением догнать Европу. Обогащение дворянства за счет крестьян при этом, разумеется, происходило, но было не целью, а следствием мобилизации.

Руководствуясь целями мобилизации социума на достижение «общего блага», Петр исходил из того, что «каждый, независимо от своего социального статуса, должен приносить государству пользу, быть эффективным элементом единого государственного организма». Различные сословия были «нагружены» различными видами государственного тяг-

⁵⁶ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998.

ла, каждое по-своему должно было выполнять свой «общественный» долг.

В этой своей установке Петр не был оригинален и, по сути, не изобрел ничего нового. Новой была только идеология «общего блага», заимствованная у западных философов того времени. Как ни парадоксально, реализовать эту идеологию в России было проще, чем в Западной Европе, так как этому очень хорошо помогали мобилизационные институты, созданные в Московии, прежде всего поместная система и крепостное право.

Но поместная система содействовала решению задач мобилизации постольку, поскольку сочеталась с институтом обязательной государственной службы дворян, который резко усилился при Петре I.

«В 17 веке дворянин был отнюдь не свободен, а его служба была обязательной. Однако при том, что он служил в нерегулярной армии, он был, конечно, гораздо свободнее, а вся его жизнь менее регламентирована, менее подвержена неусыпному контролю со стороны государства»⁵⁷, который установился при Петре, резко увеличившим объем требований к дворянской службе. «В результате реформ Петра степень несвободы русского дворянства, как и других слоев русского общества, резко возросла»⁵⁸.

⁵⁷ Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. 1999, с. 127.

⁵⁸ Там же.

«Петровская политика в отношении дворянства была в сущности закрепостительной», так как свобода дворян резко ограничивалась даже по сравнению с 17 веком. Е. В. Анисимов в связи с этим ставит под сомнение правомерность применения к дворянству термина «господствующий класс»⁵⁹.

По сути, дворянство при Петре было таким же подневольным классом, как и остальные, включая крестьян. «Дворянин или недворянин, вне зависимости от наличия и отсутствия каких-либо привилегий, каждый житель империи должен был исполнять свою строго определенную функцию, состоящую в служении государству, вносить свой вклад в приумножение его богатства и могущества»⁶⁰.

Когда работают механизмы мобилизации, главным эксплуататором выступает не какой-либо класс, а само государство во главе с его лидером. Каждый из классов общества при этом является по-своему эксплуатируемым, хотя и в разных формах и при различных размерах присвоения прибавочного продукта.

Однако, как уже отмечалось выше, продолжительность периода мобилизации не может быть слишком долгой: никакой социум не в состоянии выдерживать чрезмерно долгого напряжения сил. В какой-то момент узда государственного контроля ослабевает, от чего одни социальные группы выигрывают, а другие проигрывают.

⁵⁹ Анисимов Е. В. Податная Реформа Петра I. Л. 1982, с. 230.

⁶⁰ Там же.

Те из них, которые находятся в более сильной позиции, прибирают к рукам механизмы извлечения («экстракции») прибавочного продукта, сформированные в период мобилизации, и именно таким образом становятся эксплуататорами.

Подобной ситуации можно избежать только в том случае, когда в ходе мобилизации заимствуются институты, названные выше инклюзивными. Благодаря им в процесс принятия решений включаются все группы населения либо какая-то их критическая масса. «Слабые» становятся сильнее и не дают «сильным» присвоить столько власти, сколько необходимо для удержания под их контролем процесс присвоения совокупного общественного продукта.

Петровские реформы почти совсем не предполагали заимствование из Европы инклюзивных институтов, а значит, и тех «двигателей прогресса», которые были связаны с зонами автономии (см. выше). По сути, главным двигателем этих реформ был только сам Петр. По этой причине после его смерти реформы остановились, и начался долгий застой. Застой приводит к тому, что экстрактивные институты государства, которые раньше работали на достижение «рывка развития», начинают применяться, в первую очередь, с целью присвоения прибавочного продукта правящей элитой, в результате чего она во многом утрачивает свое значение для решения национальных задач и становится паразитической.

Именно это и произошло после смерти Петра. В отношениях государства к различным сословиям наметился явный

дисбаланс пристрастий в пользу дворянства. Если раньше крепостное право было не только инструментом эксплуатации, но и мобилизационным институтом, необходимым для выживания и экстенсивного развития государства, то после Петра эта задача утратила приоритетность, а эксплуатация крестьян помещиками стала его основной функцией.

Идеология «общего блага» была забыта, уступив место установке на достижение блага только одной дворянской элитой. Если ранее состояние закрепощения крестьян можно было трактовать и оправдывать как продиктованное «государственной нуждой» мобилизации, то теперь оказывалось, что оно сохраняется исключительно с целью обслуживания «демобилизованного» дворянства – единственного и отдельно взятого сословия, которому государством было решено вручить гражданское общество, местное самоуправление и все остальные подарки Просвещения.

Указом 1730 года запрещалось дворовым, монастырским слугам и всем крестьянам приобретать недвижимую собственность. Межевая инструкция 1754 года запрещала всем недворянам владеть населенными имениями. В 1731 году крепостным крестьянам было запрещено вступать в откупа и подряды. А в 1734 году – заводить суконные фабрики. Указ 1747 года предоставлял помещикам право покупать дворовых для отдачи в рекруты, а также продавать кому угодно для этой цели своих крестьян. «Дворянин становился полновластным судьей в своих владениях, и его действия в от-

ношении крестьян не контролировались со стороны органов государственной власти, суда и управления»⁶¹.

Логическим завершением этих «реформ», пронизанных традициями «пренебрежения земной справедливости» (см. предыдущие главы) стали Манифест о вольности дворянства 1761 года, Жалованная грамота 1785-го, которые к освобождению дворян от обязательной государственной службы добавили еще и переход в их полную частную собственность поместий вместе с проживающими на них крестьянами. Иными словами, в 18 веке было сделано максимум возможного для того, чтобы создать такие институты, которые «направлены на то, чтобы выжать максимальный доход из одной части общества и направить его на обогащение другой». Жалованная грамота и другие законы, принятые при Екатерине II, обеспечили формирование экстрактивного государства примерно такого же типа, как в Южной Америке. Никаких принципиальных отличий нет, например, между ситуацией в России после екатерининских времен и на острове Барбадос после его колонизации англичанами. Перепись 1680 года установила, что на острове живут 60 тыс. человек, из которых 38 тыс. – рабы. Большею частью рабов владели 175 сахарных плантаторов. «Их право частной собственности – как на землю, так и на рабов – было отлично защищено». При этом для рабов не существовало никаких ин-

⁶¹ Безгин В. Б. История российского крестьянства: учебное пособие. Тамбов. 2011, с. 24.

клюдивных политических институтов: две трети населения не имели доступа ни к образованию, ни к возможности заниматься предпринимательством, у них отсутствовали стимулы для того, чтобы усердно работать и развивать свои таланты»⁶².

Следуя подходам Асемоглу и Робинсона, инклюдивным является только институт всеобщего права частной собственности. Отсутствие частной собственности как таковой – это ситуация, когда процветают экстрактивные институты, связанные с государственной эксплуатацией. Наиболее интенсивная и безжалостная эксплуатация возникает в таких странах, где институт частной собственности является достоянием отдельно взятых социальных групп, а для большей части населения либо не доступен, либо защищен в меньшей степени.

По данному признаку – собственность не для всех – постпетровская Россия может быть поставлена в один ряд с эксплуататорскими режимами не только Барбадоса, но и многих других стран Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

Особенность российского рабства заключается в том, что оно не является феноменом, навязанным извне, а продиктовано логикой российского цивилизационного развития.

Порожденное в процессе мобилизации социума, необходимой для его выживания во времена Московии, рабство

⁶² Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Там же, с. 89.

сначала служит хорошим подспорьем при Петре, когда оно облегчает задачу еще большей мобилизации, а после него оказывается просто наследием, помогающим существованию и процветанию правящего класса.

Петербургская цивилизация

Паразитическое (экстрактивное) государство, опирающееся на принудительную частную эксплуатацию, является одной из важнейших «новаций», отличающей петербургскую империю в послепетровский период от Московии. Связь с Московией тем не менее здесь очевидна, поскольку данная «новация» из нее органически вырастает. Прямым продолжением Московии являются православие как господствующая идеология и самодержавие как политическая система.

Однако после петровских реформ эти важнейшие «скрепы» помещаются в новую социально-культурную среду, выпадают из контекста цельности и гармонии, которые были характерны для Московии. Главный водораздел между нею и ее петербургской преемницей проходит по линии утраты целостности и перехода к расколу – между модернизированной элитой, образованной (либо полуобразованной) в европейском духе и основной массой населения, остающейся во власти традиционной крестьянской архаики.

Понятие «расколотаия» применима к Петербургской цивилизации еще и потому, что этот фундаментальный раскол был не единственным. В дополнение к нему произошел еще и раскол внутри самой элиты, неизбежный по той причине, что «европеизация» носила крайне непоследовательный

и противоречивый характер.

Проводя свои знаменитые реформы, Петр боролся не со всем наследием Московии, а только с его частью. Другую часть он укреплял. Он прорубал окно в культуру, военное дело и бюрократическую организацию Европы, что же касается окна в ее политическую организацию и экономическую систему, он замуровывал его не менее рьяно, чем московские цари, тщательно укрепляя самодержавие и крепостничество.

Один и тот же проект – строительство новой европейской столицы – Санкт-Петербурга – высветил обе стороны этого противоречия. С одной стороны, был ярко обозначен новый европейский вектор развития. С другой стороны, европейская столица строилась путем тотальной мобилизации бесправной крестьянской массы. В одном и том же (1702) году была выпущена первая в России газета и утверждена формула подписания прошений к царю «Вашего величества низжайший раб».

Следствием подобной противоречивости стал неизбежный раскол элиты. Одна ее часть продолжала держаться старых «московских» порядков, превращаясь в «охранителей» и консерваторов, другая следовала представлениям об ином общественном устройстве, почерпнутым из мировоззрения авторов западных книг. В дальнейшем произошел еще один раскол – уже в этой второй подгруппе элиты. Он был продиктован различиями в содержании этих книг.

Петр I несет ответственность не только за этот цивилиза-

ционный раскол, но и за два его совершенно несопоставимых результата: первый – это выдающийся вклад в мировую цивилизацию, который внесла русская культура 19 века; второй – крах российской монархии и династии Романовых.

Первый результат стал возможен благодаря тому, что русская креативность обрела себя во встрече с европейской культурой. Второй получился из-за того, что русская ментальность не дала русской креативности реализовать себя в базовых структурах европейской организации жизни – экономической и политической. А самодержавие, вместо того чтобы трансформировать эту ментальность, на нее опиралось. В этом и заключалась главная причина отсталости.

Наиболее последовательной попыткой преодолеть эту трагедию были Великие реформы Александра II, включая не только отмену крепостничества, которая как раз не была последовательной, но и реформы образования и судебной системы, а также земской.

Проще говоря, Александр попытался прорубить окно в ту Европу, которая осталась закрытой для петровских реформ.

В отличие от Петра, который осуществлял выборочную европейскую модернизацию, Александр II пытался сделать ее более последовательной и системной. Его борьба с московским наследием была более бескомпромиссной, хотя политическую основу Московии в виде самодержавия она затронуть не осмелилась.

Самым главным врагом реформ было наследие экстрак-

тивного государства, сформировавшегося в 18 веке. Его основной институт, обозначенный выше словами «права собственности не для всех», наложил свой уродливый отпечаток на концепцию и реализацию самой важной – крестьянской реформы. Главное уродство заключалось в самом понятии «выкупные платежи», которые крестьяне должны были платить за свою землю только потому, что за 100 лет до этого Петр III и Екатерина II отдали ее в формальную собственность помещикам.

Еще одним врагом реформ было время, в течение которого большинство населения страны, т. е. в основном крестьянство, должно было почувствовать их позитивные результаты. В ходе затянувшихся, не демонстрирующих внятного результата реформ основные параметры паразитического (экстрактивного) государства сохранялись, а ненависть к нему росла и обострялась.

Напротив, на фоне длительного негативного восприятия несправедливых аспектов реформ, ускоренными темпами осуществлялся синтез ортодоксального менталитета с утопическим социализмом, заимствованным с Запада, что было неизбежно в результате «хантингтоновского» столкновения Московской и Европейской цивилизаций внутри России.

Советская Россия – «перезагрузка» Московии

Утопический социализм очень органично вписался в матрицу русской ортодоксальной ментальности. Он обновил ее содержание, но тем самым и вдохнул в нее новую жизнь. Коммунизм стал новой ПРАВДОЙ ортодоксального менталитета взамен отброшенного им православия. На этой основе произошла «перезагрузка» и всех остальных параметров русской ортодоксии. Мессианский комплекс получил второе дыхание в идее освобождения всего человечества путем мировой революции. После этого предметом национальной гордости и фокусом мессианского комплекса стала исключительность в качестве единственной в мире страны победившего социализма. По сравнению с этими великими целями, все такое же – далеко не первое – значение в глазах ортодокса имело, а точнее – полностью отсутствовало в качестве ориентира верховенство права.

Потерпев полный крах, проект европейской модернизации России Александра II по основным параметрам отбросил нашу цивилизацию назад – к Московии. Символическим выражением этого возврата стал перенос столицы из Петербурга обратно в Москву.

В отличие от «русских европейцев», создавших блестящую культуру 19 века, большевики скорее были «русскими азиатами», так как установленный ими политический режим оказался по своему типу даже более близким к восточной деспотии, чем Московское царство.

При этом «русские европейцы», олицетворяющие проект европейской модернизации, вырезались «русскими азиатами» с особой беспощадностью.

Русскую революцию очень любят сравнивать с французской, часто не понимая, либо просто не задумываясь о том, что они имеют совершенно разные цивилизационные векторы.

Французская Революция органично вписывается в Европейский цивилизационный процесс. Огромную роль в ней с самого начала играли юристы, причем на той стадии (Национального Собрания), которая имела долгосрочные последствия. В русской Революции стадии юристов не было, если не считать таковым период Временного правительства, в течение которого «русские европейцы» продемонстрировали, насколько маломощны были их силы в борьбе с традициями Московской цивилизации. Олицетворением русского юриста революционного периода следует считать разве что Андрея Вышинского – фигуру, по своему образу гораздо более близкую таким личностям, как Малюта Скуратов, нежели Анатолий Кони и Федор Плевако.

Деятелям большевистской революции юристы были не

нужны, потому что право для них не имело никакого значения, а скорее служило препятствием, хотя и легко устранимым. Придя к власти, они первым делом выбросили из кресел «старорежимных» судей, которые как раз и были представителями слабосильной прослойки «русских европейцев» и посадили вместо них своих, «рабоче-крестьянских».

От Московской цивилизации Советская унаследовала свои базовые характеристики: жесткий моноцентризм власти, диктат ортодоксии и комплекс мессианского превосходства по причине обладания единственно истинной ПРАВДОЙ, изоляция от внешнего мира и конфронтация с Западом, общую модель «сильная власть – слабое общество», пониженное положение права и вытекающее из этого тотальное бесправие населения.

Таким образом, огромное количество «нового», которое принесла русская революция, на самом деле оказалось «хорошо забытым старым». Из крупных достижений революции, создавших основу отличия Советской цивилизации от Московской, следует назвать практически полный отказ от традиций частной эксплуатации.

Это было сделать тем легче, что атеистическая религия, пришедшая на смену христианству, уже не только позволяла, но и требовала установить царство справедливости не на небе, а на земле. И в этом большевизм полностью шел навстречу «вековым чаяниям» русского народа в лице его по-

давляющего большинства – крестьянства.

Впрочем, традиции частной эксплуатации в ее наиболее интенсивной фазе были той частью Московского наследия, которая сформировалась уже в петербургский период – после реформ Петра. Это была уже скорее Постмосковия, нежели сама Московия. Учитывая данное обстоятельство, можно утверждать, что большевизм вернулся к «чистым» истокам Московской цивилизации, отбросив все «наносное» – примерно так же, как европейская Реформация вернулась к «изначальному» христианству, отбросив все «извращения» католицизма.

Но тем сильнее оказалась и компенсация за этот отказ, выразившаяся в обновлении механизмов и тем самым – резком усилении государственной эксплуатации. Все ее виды, существовавшие в царской России, остались либо в полностью сохранившемся, либо изменившемся виде, но при этом появились новые.

Для всех без исключения граждан СССР продолжал действовать порожденный самодержавием институт полицейского паспортного режима. Государственная эксплуатация крестьян, существовавшая в старой России на казенных землях, получила новую жизнь в виде колхозного насилия. С целью усиления внеэкономического принуждения к труду был создан новый для России институт массового рабства (ГУЛАГ), устрашающие масштабы которого не имели прецедента в предшествующей истории России, а может быть, только

в III династии Ура и подобных ей восточных режимах. Такое же «новаторство» проявилось и в политике порабощения и/или закрепощения интеллектуалов – в процессе создания «шарашек» и закрытых городов.

В сочетании этих двух революционных преобразований – отказе от частной эксплуатации при усилении государственной – русские азиаты действительно осуществили радикальный разворот России в сторону Азии. Идя навстречу «чаяниям народа», с которыми совпадали базовые установки коммунистической идеологии, они с невероятной силой навязали России чуждую ей до этого восточную традицию вышеупомянутой традиции уравнительной справедливости – кит-тум.

Благодаря этому большевики смогли провести самую масштабную в русской истории тотальную мобилизацию, преодолев отставание страны по многим направлениям, на которых московское наследие в его «не обновленном» виде ранее являлось тормозом. Речь идет, конечно же, в первую очередь, о рывке индустриализации и связанных с ним успехах в массовом образовании, здравоохранении, некоторых направлениях науки и освоении современных технологий.

Однако эта модель, в рамках которой только государство может быть активным двигателем прогресса, а общество по причине своего бесправия не может, имеет и обратную сторону, о которой уже говорилось выше. Когда исчерпывается потенциал тотальной мобилизации, начинается застой – яв-

ление, не знакомое Европейскому цивилизационному процессу.

Во время застоя государство, которое изначально формировалось в целях мобилизации, ослабевает и деградирует. Оно утрачивает экономическую динамику и проигрывает войны, как это было при Николае I и Брежневе.

При последнем, правда, появился такой «спасательный круг», как сибирские запасы нефти и газа. Они позволили продолжать застой, оставив все как есть и ничего не трогать. Без тотальной мобилизации, с одной стороны, и без европейских реформ – с другой. Для оправдания этого «курса» была придумана идеология «реального» или «развитого» социализма. Но рано или поздно застой всегда возвращает Российский цивилизационный процесс в состояние раскола, поскольку ставит ее перед выбором, КАК из него выходить:

- мобилизация или модернизация?
- начинать борьбу с Московским наследием или, наоборот, на него опираться?

При любом выборе цивилизационный раскол является препятствием в преодолении застоя. При проведении модернизации сопротивление Московского наследия осуществляется не только через протесты его охранителей. Более серьезной преградой является его присутствие в мозгах самих реформаторов. При этом то, чего они не делают, подчас бывает гораздо важнее того, что они делают.

Феномен неудачных реформ – это также один из «шиф-

ров» генетического кода нашей цивилизации. Силы инерции все время и со всех сторон толкают социум назад, постепенно приглушая те импульсы, которые побуждают реформаторов двигаться вперед.

Нарастающее таким образом сопротивление процессу модернизации делает ее реформы непоследовательными и тем самым обрекает ее на провал, который ставит под вопрос само существование государства. Оно может рухнуть, как это было в 1917 и 1991, либо погрузиться в новый застой, как это происходит сейчас, когда государство сохраняется только благодаря ликвидности своих сырьевых ресурсов.

Московское наследие в реформах 90-х

В конце 20 века Россия получила шанс повторить попытку европейской модернизации и осуществить ее более успешно, чем это происходило на рубеже 19-го и 20-го веков.

Причины, по которым этого не произошло, многократно обсуждались в публицистике и научной литературе. Остановимся только на тех из них, которые связаны с рудиментами московского наследия в российском социуме. А таких рудиментов в «русской реформе» было не меньше, чем за 70 лет до нее в «русской революции».

Самые главные из них – пренебрежение правом и справедливостью, весьма органично сочетающиеся с моделью «сильная власть – слабое общество» и возникающей на ее основе сверхконцентрации власти и собственности.

Несправедливость реформ 90-х является фактором, на который в качестве главного указывают даже либерально настроенные западные эксперты.

«На момент перехода еще были надежды на то, что Россия перейдет в высококвалифицированную и высокодоходную экономику с сильными программами социальной защиты, унаследованными со времен Советского Союза. Это по-

что пародия на то, что произошло на деле. С самого начала были предприняты усилия по справедливому распределению государственных активов: большая часть жилищного фонда была передана резидентам, а акции „Газпрома“ были выделены гражданам России. Но другие активы в богатых ресурсами компаниях попали к избранным немногим, и последующие события в стране, славящейся слабыми институтами, усилили важность политических связей, а не предпринимательских талантов»⁶³.

В этом анализе экспертов швейцарского банка уловлена суть радикальных реформ: соображения справедливости играли какую-то роль лишь в самом начале приватизации и были исключением из правила, а состояло оно в том, что принципы справедливости при ее проведении полностью игнорировались.

Как известно, одним из результатов такого подхода стало именно это – сверхконцентрация национальных богатств в руках олигархической элиты, которая взяла под контроль государственную власть.

«Обращение к показателям концентрации богатства (доли совокупного богатства, находящегося в собственности у 1%, 5% и 10% богатейших жителей стран) еще в большей степени позиционирует Россию как страну с чрезмерным неравенством. Так, в собственности 10% богатейших жите-

⁶³ Credit Suisse. Global Wealth Report 2012. Credit Suisse group AG. Switzerland, p. 53.

лей России находятся, по оценкам аналитиков, 77% совокупного богатства страны. По этому показателю Россия уступает только Таиланду и Швеции (79% и 78%). По показателю концентрации у 5% и 1% богатейших Россия выходит на 2-е место (71% и 56%), уступая только лишь Таиланду, различия с которым колеблются в пределах статистической погрешности. Таким образом, Россия является одним из двух бесспорных лидеров по неравенству, опережая даже такие страны, как США, ЮАР, Китай»⁶⁴.

В связи с присутствием Швеции в этом перечне стоит напомнить, что в этой стране сверхконцентрация собственности уравнивается одной из самых справедливых в мире системой выравнивания доходов через налоги. Естественно, что подобных противовесов нет смысла искать в России с ее плоской шкалой подоходного налога в 13%.

Сложившаяся в результате такой политики структура распределения богатств и национального дохода гораздо ближе к той картине, которая имела место в период Петербургской империи и была в некотором роде шагом назад по сравнению с советским периодом.

Пренебрежение правом описывалось выше как одна из важнейших составляющих наследия Московской цивилиза-

⁶⁴ Мареева С. В.З, Слободенюк Е. Д. Неравенство в России в международном контексте: доходы, богатство, возможности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. М. 2018. Т. 126. №1—2, с. 36.<https://www.hse.ru/org/persons/38258806><https://www.hse.ru/org/persons/14295180><https://publications.hse.ru/articles/?mg=65577587>

ции. При распределении национальных богатств в ходе приватизации команда реформаторов в конце 20-го века руководствовалась не законом и правом, которые было необходимо выстраивать с нуля, а своими идеологическими представлениями, нахватавшими из западных источников столь же поверхностно и противоречиво, как это делалось интеллигентами-нигилистами за 100 лет до нее – в конце 19-го.

Иными словами, при проведении реформ идеологическая убежденность (то, что выше было названо ПРАВДОЙ) имела безусловный и безоговорочный приоритет перед принципом правления права, что являлось ярко выраженной линией преемственности от Московии 16—17 веков к новой России конца 20 – начала 21 века.

По этой причине приватизация проводилась не по закону, а по Указу президента. И это еще один «привет» от Московии, заключающийся в том, что закон должен получать одобрение парламента, а указ утверждается Президентом единолично.

Псевдолиберальная идеология – ПРАВДА – реформаторов толкнула их к возвращению традиционного для московской элиты пренебрежения справедливостью и тем самым привела к отказу от возрожденной в СССР восточной традиции уравнительной справедливости (киттум). В то же время в силу русской традиции пренебрежения правом не было сделано ничего, чтобы при этом еще и создать основы современного правового государства, установить правление пра-

ва и тем самым обеспечить в обществе справедливость на принципах, заимствованных с Запада.

Тем самым достаточно легко и быстро была открыта «зеленая улица» традициям частной эксплуатации, которые, как было показано выше, являются одним из неизбежных «продуктов» Московской цивилизации. В современных условиях эта традиция, разумеется, не может возродиться механически в виде буквального повторения крепостного права. Она трансформировалась в качестве олигархического государства, перераспределяющего национальный доход России от большей части ее населения в пользу чиновничьей и бизнес-элиты. По структуре распределения ВВП подобная система гораздо больше напоминает помещичью Россию московского и петербургского периода, нежели времена СССР.

Полное пренебрежение справедливостью, продемонстрированное реформаторами, равно как и созданный ими демонстративно несправедливый «общественный строй», – все это повлекло за собой крайне важные последствия цивилизационного порядка. Российский социум отвернулся от очередного в его истории проекта европейской модернизации слишком быстро для того, чтобы этот проект принес ощутимые позитивные плоды и получил закрепление на ценностном и институциональном уровне.

При Путине в России продолжилась и фактически завершилась реализация совершенно другого проекта государ-

ственности, который не мог бы осуществиться без опоры на то, что в данном докладе именуется «московским наследием».

Постмосковия как Российская модель экстрактивного государства

Происхождение экстрактивного государства во второй половине XVIII и в конце XX века имеет общие корни, поскольку речь идет о «колее» одного и того же цивилизационного процесса. В период Московии (конец 15 – начала 18 в.) и Советской власти (Новой Московии) происходит концентрация национальных ресурсов в руках государства, мобилизующего социум на решение задач выживания и/ или развития. В это время все ресурсы, включая самый важный – земля, находятся в формальной собственности у государства, что необходимо для более эффективной мобилизации. Но после того как она заканчивается, наступает период застоя, по ходу которого правящая элита использует институты мобилизации в интересах своего обогащения. В определенный момент происходит формальный переход значительной части национальных ресурсов в руки правящей элиты.

В 18 веке такими официальными решениями стали «Манифест о вольности дворянства» и «Жалованная грамота», а в конце 20-го – приватизация.

Такой же выбор сделала российская политическая элита

в 90-е годы. Прежде всего, по «экстрактивному» сценарию прошла приватизация государственных активов. Все «инклюзивные» методики приватизации, применявшиеся, например, в странах Восточной Европы и содействовавшие распределению ресурсов среди максимально большей части населения, были отвергнуты либо подверглись издевательской имитации, как история с ваучерами.

Задаваясь вопросом о том, как происходит выбор между экстрактивным и инклюзивным путем развития, Асемоглу и Робинсон отвечают на него достаточно ясно. Выбор делает политическая элита. Экстрактивная модель берется элитой на вооружение потому, что при ее помощи можно сохранить и/или приумножить власть и богатство, а инклюзивная представляет угрозу и тому, и другому.

Екатерина II отдала поместья в абсолютную собственность дворянам потому, что нуждалась в консолидированной поддержке данного сословия после Пугачевского бунта. Вопрос стоял не только о стабильности монархии, но и ее собственной власти.

Воля к власти и богатству является не только причиной создания сверхэксплуататорского государства, но и препятствует последовательности «инклюзивных» реформ в рамках европейской модернизации. Александр II, как известно, не решился сделать логичный после реформ 60-х годов шаг перехода к конституционной монархии, так как это привело бы к резкому сокращению объема его властных полномочий.

Проводя залоговые аукционы, «реформаторы» 90-х думали, прежде всего, о сохранении своих властных позиций, которое было возможно только при условии победы Бориса Ельцина на выборах 1996 года, а она, в свою очередь, была недостижимой без финансовой поддержки «победителей» этих аукционов.

Приватизация в рамках Российского цивилизационного процесса несет в себе такой же цивилизационный отпечаток, как и революция. Это не продажа государственной собственности в частные руки, а тотальное перераспределение ресурсов, находящихся в руках государства, с целью закрепления возможно большей их доли за той правящей группой, тем классом, который продолжает удерживать рычаги мобилизации. Речь при этом идет о перераспределении не менее радикальном, чем то, которое производили большевики в ходе экспроприации экспроприаторов, только в 90-х, в отличие от 20-х – 30-х, речь шла о «национализации наоборот», по уровню своего радикализма не менее большевистской.

Возникающее вследствие этого резкое имущественное и социальное расслоение в социуме не является результатом игры рыночных сил. Это рукотворное неравенство, которое неизбежно вследствие административного распределения государственных владений между различными группами населения.

Таким путем в России создается экстрактивное государство, которое условно можно назвать Постмосковией. По-

добное название, подчеркивающее тесную связь со стародавним «общественным строем», вполне уместно по той причине, что от этого строя наследуются основные параметры: сверхконцентрация власти, модель «сильная власть – слабое общество», верховенство правды над правом, бесправие большинства населения и т. д. Новое в Постмосковии – то, что уровень государственной мобилизации сильно падает, а интенсивность частной эксплуатации, напротив, растет. Особенностью такого государства является неравенство прав собственности. Сила этих прав убывает с продвижением от вершины социальной иерархии социума к основанию ее пирамиды.

Путин пришел к власти как раз в тот момент, когда Новая Постмосковия набирала обороты под прикрытием либеральных демократических лозунгов, которые не имели ничего общего с основным деянием «реформаторов», которые бросили главные ресурсы страны на формирование нового класса эксплуататоров, создав тем самым экстрактивное государство, помогающее «одной части населения извлекать для себя выгоду за счет другой». Если некоторые «инклюзивные» реформы и проводились в 90-е годы, то все они были жирно перечеркнуты одной «экстрактивной» контрреформой, которой являлась приватизация.

Те, кто выиграл от «экстрактивной» приватизации, после этого, естественно, предприняли все возможное для того, чтобы сохранить свои преимущества, а для этого понадоби-

лось выстраивать все новые и новые «выжимательные» механизмы в государственном управлении и «извлекательные» институты в регулировании экономики.

Однако к концу 90-х годов эта модель еще не была оформлена окончательно. Она раздиралась противоречиями между конкурирующими группировками, изобиловала внутренними конфликтами и носила весьма нестабильный характер. Миссия Путина заключалась как раз в том, чтобы ее стабилизировать и укрепить.

Who is Mr.Putin?

Роль правителя в истории России определяется тем, какую из трех возможных миссий он для себя выбирает:

- московская мобилизация: попытка организовать мобилизацию социума на решение задач выживания и/или развития без пересмотра московской модели (князь Владимир, Иван III, Иван IV, Петр I, Ленин, Сталин, Хрущев);

- европейская модернизация: попытка трансфера от Московской к Европейской модели (Александр II, Керенский, Ельцин);

- московская стагнация: попытка сохранить московскую модель, не прибегая ни к методам мобилизации, ни к попыткам европейской модернизации, приводящее к созданию эксплуататорского (экстрактивного) государства (от Анны Иоанновны до Николая I, Александр III, Николай II, Брежнев).

Очевидно, что миссия нынешнего России вполне органично вписывается в эту последнюю модель. В то же время в довольно длинном ряду правителей – приверженцев данной модели – наблюдается известная вариативность, связанная с их идеологическими представлениями.

Так, например, Екатерина II была достаточно противоречивым монархом, так как укрепляла самодержавие и кре-

постничество, усиливала господство дворян над крестьянами, исповедуя при этом идеи французского Просвещения. Подобных же «прогрессивных» взглядов придерживался и Александр I, ничего в общественном и государственном устройстве не изменивший. Наиболее последовательной и цельной фигурой в этом ряду выступает Николай I, чьи взгляды ни в чем не противоречили той системе, которую он защищал и возглавлял.

Когда Путин пришел к власти, он был весьма далек от подобной цельности. Декларируемая им идеология весьма существенно расходилась с конкретной политикой. Последняя заключалась в консолидации экстрактивной системы. Происходил внутриэлитный передел собственности, крайне необходимый для стабилизации и укрепления едва оперившейся модели. Бенефициары приватизационного дележа были поставлены перед выбором: присягнуть на лояльность Путину либо лишиться своих позиций в процессе «извлечения и выжимания». Одновременно к данному процессу подключались новые «извлекатели и выжиматели» из ближайшего окружения Путина и контролируемых им силовиков. Исключительно важным для укрепления «постмосковской» системы было восстановление одного из мощных «мобилизаторов» советской эпохи – пропагандистского телевидения, находящегося под полным контролем центральной власти.

На фоне интенсивного экстрактивного строительства на институциональном уровне по инерции продолжались неко-

которые попытки модернизация европейского типа на институциональном уровне. В частности, был принят Земельный Кодекс, шла работа над судебной реформой, укреплением института местного самоуправления, пенсионной реформой (в части создания накопительной пенсии) и по ряду других направлений.

На уровне идеологии подобная инерция тоже давала о себе знать. В 2004 году Путин на встрече со своими доверенными лицами использовал «европейскую» риторику, заявив, что национальной идеей России является конкурентоспособность: «Человек должен быть конкурентоспособным, город, деревня, отрасль производства и вся страна. Вот это и есть наша основная национальная идея сегодня»⁶⁵.

Второй этап правления Путина – застойный – знаменует собой стабилизацию экстрактивной системы. В экономике ей в немалой степени содействовал небывалый рост цен на энергоносители. В институциональной сфере на этой стадии произошел отказ практически от любых модернизационных реформ. В законодательстве начался постепенный поворот к постепенному сворачиванию «инклюзивных» норм и процедур с одновременным расширением «экстрактивных» возможностей. Это выразилось в ужесточении законов о СМИ, митингах и демонстрациях, политических партиях, некоммерческих объединениях. На уровне идеологии – не без влияния первого украинского Майдана, в котором экстрактив-

⁶⁵ <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7>.

ное государство увидело прямую угрозу своим институтам – президент отказался от какой бы то ни было европейской и либеральной риторики. Вместо этого формулировались понятия «суверенной» или «управляемой» демократии, столь же невнятные, как «реальный» и «развитой» социализм при Брежневе. Однако слово «демократия» в этих понятиях еще продолжало играть роль некоего «мостика» к предшествующему модернизационному тренду.

Национальная идея в этот период формулировалась достаточно невнятно и политически нейтрально. В 2011 году в интервью журналу *VIP-Premier* Путин назвал национальной идеей «сбережение народа», процитировав Александра Солженицына⁶⁶.

Точкой отсчета третьего этапа следует считать начало 2012 года. Массовые протесты в связи с фальсификациями выборов в Госдуму были погашены усилением репрессий (Болотное дело). Вторым ключевым событием данного этапа следует считать аннексию Крыма в 2014 году. Эту стадию эволюции путинского режима можно назвать «контрреформаторской».

После этих событий произошло то, что в российской публицистике и политологии того времени было названо «консервативным поворотом»: идеологическая расплывчивость и противоречивость сменилась последовательностью отрицания европейского пути развития и всего того, что с ним

⁶⁶ Там же.

связано.

Позитивная часть этой «новой» идеологии была сконцентрирована в понятии «патриотизм». Летом 2015 года Путин сказал, что патриотизм – это «священный долг россиян», а в октябре назвал его «нравственным ориентиром» для подростков⁶⁷.

Окончательно этот идеологический акцент был сформулирован в феврале 2016 года: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея»⁶⁸.

Данная формулировка отличается от всех предыдущих целым рядом важных особенностей:

- она не содержит никаких «мостиков» к европейской модернизации (каковыми раньше были конкурентоспособность и демократия);
- в ней нет прежней расплывчатости и неопределенности;
- она сформулирована категорически как единственно возможная истина.

Именно в этом контексте следует понимать и заявление в мае 2020 года о том, что Россия является «отдельной» цивилизацией. Под это понятие в нашей истории попадает только два периода: классическое Московское царство 15—17 веков и его реинкарнация в виде советского государства 20 века. Именно они фактически и объявлены в императивном

⁶⁷ Там же

⁶⁸ Там же.

порядке цивилизационными ориентирами России в 21 веке.

Разрозненные высказывания Путина о патриотизме как национальной идее, России как «отдельной цивилизации», по сути, выстраиваются в достаточно логичную декларацию о намерениях, очень похожую на Высочайший манифест 29 апреля 1881 года, в котором Александр III объявил программе своего царствования.

Знаменательно, что в преамбуле этого манифеста слово ПРАВДА употребляется два раза:

«О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству... к истреблению неправды и хищения... к водворению порядка и правды в действии учреждений России»⁶⁹.

«Манифест сместил основание российской монархии с начала XVIII в. на более раннюю эпоху. Победоносцев писал не о российском государстве или российской империи, но о „земле русской“, используя неославянофильское толкование XVII столетия как времени идеального согласия между царем и народом»⁷⁰.

В декларациях Путина национальная идея почти точно так же приобретает до боли знакомые очертания той са-

⁶⁹ Цит. по: Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. М. 1996.

⁷⁰ Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М. 1999, с. 233–244.

мой ПРАВДЫ русского ортодоксального сознания, которой в старой Московии было православие, а в новой – советской – коммунизм. В новейшей Московии Владимира Путина очередная реинкарнация этой единственно верной правды постулируется очередным «вождем нации» как патриотизм.

Противоречивость «раннего» (реформаторского) и невнятность «зрелого» (застойного) Путина сменяется радикальной последовательностью позднего (реакционного).

При всей абстрактности понятия «патриотизм» контекст его употребления президентом России вполне очевиден.

ПРАВДА путинского патриотизма заключается во все той же исключительности России, которая была стержнем идеологии как Московского, так и Советского государства. После распада СССР комплекс мессианского превосходства совсем не исчез, а подвергся «мутации», в результате чего произошла его «конверсия» в комплекс неполноценности. Его носители в элите и обществе по-прежнему считают, что русский народ является вместилищем абсолютной правды. Но, поскольку они понимают, что вокруг нас (и в значительной мере – внутри) в это наше мессианское превосходство уже никто не верит, постольку бывшее высокомерие по отношению к окружающему миру сменилось обидой и злобой на него. Это и есть комплекс неполноценности, который сегодня не случайно составляет основу путинской пропаганды: так как имеет достаточно сильный отклик в структурах мас-

сового бессознательного населения России.

Путинская ПРАВДА в том, что Запад является врагом, стремящимся к уничтожению нашей страны и оболганию нашей истории; поэтому государствообразующий русский народ должен сплотиться вокруг своего Лидера для противодействия этому. Историческую преемственность своей концепции ПРАВДЫ Путин сознательно подчеркнул, внедрив ее в свою Конституцию именно в таком словосочетании: «историческая правда». При этом «мостиками» к предшествующим версиям этой ПРАВДЫ являются в его Конституции вера в Бога и преемственность по отношению к СССР. Важнейшим элементом путинской концепции ПРАВДЫ является заимствованный у СССР, но при этом еще и гипертрофированный по сравнению с советскими временами, культ Победы.

Прямым трансфером из старой Московии является еще один «мобилизатор» народных масс – православная вера и ее монопольный носитель – Русская Православная Церковь. Она реанимирована прямо в том нетронутым виде, в котором была сформирована в 16 веке как прислужница самодержавия, получающая за свои услуги не только мирские материальные блага (стяжательство), но и огромное влияние на государство, противоречащее конституционному принципу отделения последнего от церкви.

Таким образом, идеологическая эволюция Путина, финалом которой является середина десятых годов, заключалась

в следующем: все, что в его «идейном багаже» имело отношение к сценарию европейской модернизации, последовательно вытеснялось элементами «имажинария» Московской Руси и Советского Союза. Типологическое сходство с такими фигурами, как Николай I, Александр III и Николай II здесь налицо, ведь эти самодержцы выстраивали свою «идеологическую линию в строгом соответствии с московскими канонами и, в отличие от своих предшественников в 18 – начале 20 века, не оглядываясь ни на какие западные веяния.

Подобно трем вышеперечисленным царям, Путин не просто опирается на Московское наследие, но и активно его эксплуатирует в стремлении полностью оправдать в глазах российского общества (легитимировать) то самое укрепленное им «экстрактивное» государство, при котором одна часть населения неизменно выигрывает, благодаря постоянному проигрышу другой.

При такой политике все основные параметры московской модели, не раз в прошлом порождавшие все новые и новые стагнации и революции, не только не демонтируются, но обозначаются все отчетливее.

В полном соответствии с московской моделью культ верховной ПРАВДЫ полностью подминает под себя идею верховенства права. Приоритет идеологии над законом не оставляет никаких шансов правовому государству. Как в Московские и Советские времена право играет роль инструмента, обслуживающего политическую волю государства и эконо-

мические интересы правящей элиты. Приниженное положение права выливается в полное отсутствие независимого суда.

Столь же привычным, как и само это обстоятельство, является и его следствие в виде массового бесправия населения, неизбежного элемента модели «сильная власть – слабое общество». Весьма интересно при этом, что перманентное урезание гражданских прав и свобод происходило в основном при полном безразличии не только населения, но и гражданского общества, которое «возбуждалось» только по отдельным поводам, таким как принятие особо одиозных законов (например, «закон Димы Яковлева») либо массовая фальсификация выборов.

Ситуация с правами собственности в путинской Москве более всего напоминает дореформенную Россию 19 века, когда неравенство в распределении этих прав праздновало свой триумф. Формальное равенство в этом вопросе обходится массой «экстрактивных» норм (либо, наоборот, пробелов, отсутствием норм), позволяющих государству и связанному с ним сильному собственнику игнорировать права слабого, а также прибирать его собственность к своим рукам. Такие явления, как «ночь длинных ковшей» в Москве, массовые сносы гаражей, программа «реновации», захват общественных земель и частных придомовых территорий под коммерческую застройку и т. д. и т. п. – все это только малая доля примеров узаконенного грабежа, с которым повседневно

но сталкиваются граждане России⁷¹.

Именно в такой «модернизированной» форме возрождается традиция частной эксплуатации, описанная выше как важнейшая составляющая Московского наследия. Такая эксплуатация в путинской России мимикрирует под формально-декларативное равенство прав собственности, однако de facto представляет собой изоцированную систему законодательных и неформальных уловок по уводу максимально возможного числа активов из-под контроля граждан и перехода в распоряжение господствующей политической, чиновничьей и бизнес-элиты. Россия при Путине остается такой же непарламентской страной, какой она была при царях и генсеках. Наличие Государственной думы и Совета Федерации меняет в этом обстоятельстве не больше, чем система советов меняла во времена СССР.

Государственная эксплуатация в современной России не только не ослабла, но получила второе дыхание после непродолжительной паузы 90-х. Институт полицейского контроля в виде паспортного режима, сдерживающий свободу передвижения граждан России, продолжает усиливаться, в том числе благодаря современным средствам слежения, фиксации и обработки данных. Институт крепостничества получил продолжение не только в сохранении под видом «реги-

⁷¹ См., например: Митрохин С. По законам бандитизма. Авторский блог на сайте радиостанции «Эхо Москвы»: https://echo.msk.ru/blog/sergei_mitrohin/2714111-echo/.

страции» института прописки, но и в фактическом закреплении определенных профессиональных групп, зависящих от бюджета и работников крупных предприятий. Они являются политическими крепостными государства, обладающими правом голоса только формально – юридически, но не фактически. Мобилизационного потенциала этой системы больше не хватает для осуществления «рывка развития». Отсюда, однако, не вытекает, что мобилизационные мероприятия полностью отсутствуют. Они регулярно проводятся в качестве кампаний принудительного голосования политически зависимых контингентов работников, а также участия части из них в фальсификации результатов голосования. Все это, конечно, далеко не полный перечень рецидивов Москвы в современной российской общественно- политической системе, но подробная инвентаризация не входит в задачу настоящего исследования.

В заключение необходимо вернуться к системообразующему институту, пронизывающему всю историю России, с Москвией и до наших дней. Речь идет о самодержавии – ключевом институте и главном движущем факторе Московской цивилизации, обеспечивающей ее стабильное воспроизводство на протяжении последнего полутысячелетия.

Не ограниченное ни реальным парламентом, ни независимым судом, ни народным волеизъявлением, выраженным на референдуме либо иными способами, оно до последнего времени «спотыкалось» всего лишь об одно препятствие:

слова Конституции об ограничении продолжительности президентства двумя сроками подряд. Как известно, в 2020 году это ограничение было фактически снято для действующего президента, что обеспечило ему перспективу пожизненного пребывания в этой должности.

Таким образом, возрождение Московии в том ее виде, который максимально возможен в современных условиях, устранило для одного конкретного человека последнее препятствие, которое стояло на пути абсолютной монархии – ограничение во времени.

Абсолютная гармония, возникшая к настоящему времени между идеологическим имажинарием президента и возглавляемым им общественным строем, омрачена одним неизбежным обстоятельством, напрямую вытекающим из цивилизационного процесса России. Дело в том, что стадия Пост-московии всегда имеет обратную сторону в виде раскола социума. На данной стадии мобилизационный потенциал уже недостаточен для того, чтобы преодолеть этот раскол путем насилия над недовольными сложившимся постмосковским общественным порядком. А число недовольных неизбежно растет в связи с очевидной альтернативой этому порядку – европейскому пути развития.

Сценарии будущего

Мы проследили достаточно драматическую колею «русского пути» последнего полутысячелетия. Он отсчитывается от Московского царства 15—17 веков. В 18-м происходят две важные трансформации. Сначала резкий поворот в сторону Европы раскалывает российский социум на модернизированное меньшинство и традиционное большинство. Затем правящая элита, сохраняя московскую модель, строит на ее основе государство неограниченной эксплуатации крестьянства. Во второй половине 19 века этот расколотый эксплуататорский социум вступает в период европейской модернизации, которая носит непоследовательный характер, что усиливает как раскол социума, так и противоречия внутри его «протестной» составляющей. В результате побеждают силы, выступающие против европейской модернизации, вследствие чего Московия возрождается на новой основе, делая в 20-м веке крупный мобилизационный рывок. После его угасания наступает новый период застоя, который снова сопровождается расколом социума на модернизированные (прозападные) и консервативные (промосковские) силы. Победа прозападных сил сопровождается принятием решений о перераспределении национальных ресурсов с результатом в виде новой Постмосковии с ее застоєм и возрождением

сверхэксплуататорского (экстрактивного) государства, которое в 21 веке получает юридическое оформление и идеологическую платформу. Однако при этом Постмосковия 21 века повторяет судьбу своей предшественницы 19-го – 20-го, вступая в конфликт с протестной (модернизированной) частью общества.

От исхода этого конфликта зависит будущее России.

В начале 20 века силы европейской модернизации оказались в меньшинстве даже в протестной части общества. Опираясь на ментальные установки большинства населения, которое тогда было представлено недавно освобожденным крестьянством, победу одержали те протестные движения, которые в большей или меньшей мере отвергали европейский путь развития. Однако в соответствии с логикой российского цивилизационного процесса единственной альтернативой этому пути была перезагрузка на новой основе московских порядков.

В конце 20 века, напротив, победу одержали силы европейской модернизации. Однако они не смогли победить инерцию Московского наследия, проявившуюся даже не столько в активности их противниках, сколько в их собственных стереотипах мышления, ценностных установках и предрассудках. В результате вместо новой демократической России, вставшей на европейский путь развития, они заложили фундамент для возрождения старой Постмосковии – с ее стагнацией и сверхэксплуатацией меньшинством большин-

ства.

Других альтернатив за минувшие сто лет российская цивилизация не выработала.

СЦЕНАРИЙ 1. Если на протестной волне, направленной на ликвидацию путинской Постмосковии, возвысятся и победят силы, которые смогут реально и последовательно осуществить европейскую модернизацию, это будет означать освобождение России от московского наследия, тормозящего ее развитие и снижающее конкурентоспособность на международной арене. Этот путь, к сожалению, связан с большими рисками для целостности государства. Концентрация модернизированного населения распределяется далеко не равномерно по территории страны, что может привести к отторжению идей модернизации в значительной части российских регионов, в том числе национальных республик, в которых на почве отторжения могут резко возобладать националистические и сепаратистские настроения. А им могут подыгрывать региональные элиты, столкнувшись с угрозой утраты властных позиций и источников дохода.

СЦЕНАРИЙ 2. Этого не произойдет в том случае, если:

- вариант 1: победу одержат силы, черпающие основную подпитку своей политической активности в ценностях Московского наследия – *déjàvu* 1917-го;
- вариант 2: силы модернизации, победив, окажутся в плену московского наследия по целому ряду причин (от его влияния на их собственную ментальность и необходимости за-

игрывания с его рудиментами в массовом сознании до неспособности поступиться властью и богатством во имя развития), что сделает их неспособными реализовать последовательный европейский трансфер – *déjàvu* девяностых.

Первый вариант наименее вероятен по причине того, что такие силы не получают поддержки модернизированного населения столичных городов. Кроме того, удержать власть они смогут только при демонстрации способности осуществить «рывок развития» на основе массовой тотальной мобилизации, потенциал которой у населения страны явно исчерпан.

В таком случае наиболее реалистичным результатом будет сценарий 2.2, который приведет к реанимации путинской Постмосковии с теми же параметрами, хотя и наверняка с иными идеологическими акцентами.

Преимущество данного сценария может быть усмотрено только в том, что он представляет наименьшую угрозу для целостности страны. Но в долгосрочной перспективе его реализация приведет к утрате шансов на возвращение каких – либо перспектив развития и превращение во второстепенную державу, балансирующую на грани распада по национальному и ресурсному признакам либо другой формы утраты суверенитета.

В то же время пессимизм относительно реализации сценария 1 внушают наблюдения над различными эпизодами российской истории. Ни один из них, включая революции и реформы, не демонстрирует сколько-нибудь радикального вы-

хода за узкие рамки русской колеи. Когда государство едет по ней как по накатанной (эпохи Московии и Постмосковии), колея углубляется по причине долгой езды. Когда пытаются свернуть в сторону, приверженность колее укрепляется из страха перед неизвестным. В итоге европейские институты либо отторгаются полностью (как, например, правление права), либо выхолащиваются и становятся чисто формальными имитациями.

Слишком большие отложения Московское наследие оставило в нашей национальной ментальности, и слишком жесткой хваткой держит оно в своих объятиях не только элиту России, но и ее народ.

Галина Михалева

Россия: империя и модернизация

Имперское прошлое России и постимперский синдром – серьезное препятствие на пути модернизации, формирования современного государства с социальной рыночной экономикой и действующими демократическими институтами. Политическая элита страны, включая президента Владимира Путина, считает распад СССР «величайшей катастрофой» XX столетия, а принципы либерализма – устаревшими.

Внешнеполитический курс страны направлен на возвращение на геополитическую арену в статусе сверхдержавы, при этом внутри страны сворачиваются и выхолащиваются демократические институты. Но общество, хотя и слабое, полностью не подавлено. Несмотря на конституционную реформу 2020 года, существенно цементирующую авторитарный режим, не отменена вторая глава Конституции, закрепляющая основные права и свободы человека, существуют, хотя и слабая, оппозиция и критически настроенные средства массовой информации, действуют некоммерческие организации, включая правозащитные. Время от времени возникают очаги гражданского сопротивления, и людям иногда удается заставить власти отказаться от неприемлемых решений, пусть и по не приоритетным для власти вопросам (от-

мена мусорной свалки в Шиесе, разработки горы Куштау содовой компанией в Башкортостане, перенос строительства храма из сквера в Екатеринбурге и т. п.).

Многосоставной характер страны обуславливает сочетание доминирующих тенденций политики унификации и централизации с существованием региональных и национальных особенностей, включая традиции, противоречащие принципам современного государства и действующей Конституции.

Наконец, отказавшись от единой советской коммунистической идеологии, российская элита до сих пор не нашла принципов, на которые могло бы опираться единство российской нации. Споры о единой идеологии и национальной идее идут с момента распада Советского Союза, предлагаемые представителями власти, учеными, журналистами принципы взаимно противоречивы: от необходимости построения гражданской нации на основе конституционного консенсуса до возвращения к социализму или созданию русского православного государства, противостоящего Западу.

Почему сложилась такая ситуация? Ответ на этот вопрос во многом дает история страны.

Модернизация и империя

Как соотносится имперский принцип построения государства и модернизация?

Модернизация рассматривается как один из основных двигателей демократизации режима. Этому посвящено большое количество западных работ, начиная от Парсонса и Липсета (Пшеворский, Ванхаанен, Инглхарт и др.)⁷².

Особенности Российского случая модернизации анализировали Гельман, Бусыгина, Аузан и др.⁷³, которые рассматривают этапы и противоречивость российской модернизации и в последнее время – даже демодернизацию⁷⁴.

В соответствии с классическим пониманием модерниза-

⁷² Lipset, Seymour M. *Political Man. The Social Basis of Politics*. Baltimore. 1981; Parsons T. *The Social System*. NY. 1951; Przeworki A. at all. *Sustainable Democracy* Cambridge University Press, Cambridge. 1995; Vanhaanen T. *Democratization. A Comparative Analysis of 170 Countries*. London and NY: Routledge. 2003. Инглхарт Р. *Модернизация и демократия. Демократия и модернизация*. Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Из-во Европа. 2010.

⁷³ Аузан А. *Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь*. М.: «Манн, Иванов и Фербер». 2013; Бусыгина И., Филиппов М. *Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски*. М.: Фонд «Либеральная миссия. Гельман В. *Недостойное правление: политика в современной России*. СПб. 2019.

⁷⁴ http://www.mann-ivanov-ferber.ru/books/ekonomika_vsego/

ции Мартина Липсета⁷⁵, опирающимся на теоремы Талкотта Парсонса⁷⁶, и его многочисленными последователями, модернизация связана с ростом дохода на душу населения (ВІР per capita), которое является необходимым условием демократизации. «Основная идея модернизации состоит в том, что экономический и технологический прогресс порождают комплекс социально-политических трансформаций, а они, как правило, ведут к радикальным переменам в ценностях и мотивации. Это включает в себя изменение роли религии, карьерных устремлений, уровня рождаемости, гендерных ролей, сексуальных норм. Данные перемены также определяют массовый спрос на демократические институты и ужесточение требований к элитам. В результате демократия становится все более вероятна, а война – все менее приемлема для народа». Выделяются фазы модернизации, которые по-разному влияют на политику и общество. Первая – индустриализация, которая инициирует важный этап культурной трансформации и приводит к бюрократизации, рационализации, централизации и секуляризации. Развитие постиндустриального общества влечет за собой другой ее этап – усиление роли личной автономии и самовыражения. На индустриальном этапе модернизации происходит освобождение власти от религии, в то время как на постиндустриальном –

⁷⁵ Lipset. Ibid., p. 31

⁷⁶ Parsons Ibid.

освобождение человека от вездесущности власти⁷⁷.

При этом модернизация – необходимое, но недостаточное условие для демократизации⁷⁸. Реальный вклад экономического прогресса состоит не в том, что он вызывает демократизацию, но в том, что он увеличивает шансы сохранения политических режимов⁷⁹.

Модернизации, с одной стороны, противоречат имперским принципам, создавая современное государство. С другой стороны, внешние вызовы принуждают империи к частичной модернизации. В российском случае модернизационные процессы на протяжении всей истории были частичными (затрагивали не все общественные подсистемы) и непоследовательными. Россия после очередного витка институциональных изменений в соответствии с теорией тропы исторической зависимости («колеи», по определению А. Аузана⁸⁰) возвращалась во многом в исходное состояние⁸¹. Основные модернизационные инструменты – индустриализация, урбанизация, культурная революция – начали действовать в России в конце XIX – начале XX века, эти процес-

⁷⁷ Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization. Cultural Change and Democracy* NY. 2005? pp. 165—166.

⁷⁸ Merkel W. *Systemtransformation*. Oplanden: Leske + Budrich. 1999, S. 88—89.

⁷⁹ Przeworki, Adam at all. *Sustainable Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press/ 1995.

⁸⁰ Аузан А. Там же.

⁸¹ http://www.mann-ivanov-ferber.ru/books/ekonomika_vsego/

сы происходили ускоренно, но неравномерно⁸² и достались в наследство советской власти. Она использовала модель «догоняющей» или «авторитарной» модернизации: обеспечение технологического и материального прогресса страны на основе воссозданных институтов традиционного общества⁸³ с использованием репрессий и рабского труда заключенных⁸⁴. Это был исторический компромисс между современностью и тенденциями индустриального капиталистического общества первой половины XX столетия, с одной стороны, и российским традиционным миром, с другой. Осуществляемая представителями «низшего класса», авторитарная модернизация несла отпечаток архаичного сознания: традиций общинности и уравнительности, антиинтеллектуализма, привычки во всех неудачах усматривать козни врагов и т. д. Это сначала позволяло примирять модернизацию с русской архаикой и внедрять элементы западной современной культуры в традиционное крестьянское общество... но впоследствии

⁸² Буховец О. Советское цивилизационное наследие. Россия в многообразии цивилизаций. ред. Шмелев М. П., Тимофеев Т. Т., Федоров В. П.). М.: Весь мир. 2011, с. 537—538

⁸³ Вишневецкий А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 2008; Наумова Н. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации// Социологический журнал, 1994, С. 6–21.

⁸⁴ Красильщиков В. От авторитаризма к демократии на путях модернизации: общее и особенное. Демократия и модернизация. Под ред. В. Л. Иноземцева. М: Изд-во Европа. 2010, С. 215–230; Преодоление сталинизма / под ред. Г. М. Михалевой, М., партия Яблоко, 2019.

это пагубно сказалось на ходе модернизации⁸⁵.

Результаты такой модернизации были противоречивы: с одной стороны – индустриализация, урбанизация, грамотность населения, развитие науки и культуры, секуляризация. С другой – застывшая, архаичная система управления и отсутствие демократических институтов. Сейчас в России еще не закончился период индустриализации и даже происходят процессы, ей противоречащие, своего рода деиндустриализация с увеличением роли религии и традиционных стереотипов поведения. Об этом пишет и Андрей Рябов⁸⁶: противоречивость российского развития показывает сочетание производства современной военной и космической техники наряду с большим числом негазифицированных поселений, в которых отсутствует даже водопровод. Еще одну особенность воздействия модернизации отмечает Дмитрий Тренин⁸⁷: попытки модернизации в различные исторические периоды приводили одновременно к всплеску русского национализма в имперском «ядре» и этнического национализма на периферии. Особенно отчетливо это проявлялось в периоды Первой мировой войны и захвата власти большевиками и периода, предшествующего распаду СССР.

Целый ряд западных авторов анализирует природу импе-

⁸⁵ См. об этом подробно главу Сергея Митрохина в этой книге.

⁸⁶ Рябов А. Демократизация и модернизация в контексте постсоветских стран// Демократия и модернизация / под ред. Иноземцева В. М. М.: Европа, с. 183–200.

⁸⁷ Тренин Д. Post-imperium. Евразийская история. М.: РОССПЭН. 2012.

рий в исторической перспективе и особенности отдельных империй – от Древнего Египта, империй Африки и Римской империи до Великобритании. Общие признаки империй перечисляют Айзенштедт, Алмонд и Верба, Каспэ, а также Паин и Федюнин⁸⁸.

Особенности Российской империи в исторической перспективе анализировали Каспэ, Ачкасов, Эткинд, Булдаков, Фурман⁸⁹ и многие другие, опираясь на российскую дореволюционную общественную мысль: Ильина, Соловьева, Ключевского, Бердяева и др.

Имперские признаки в современной России видят Хагемейстер, Гетц, Тренин, Паин и Федюнин, Каспэ, Филиппов и Бусыгина⁹⁰.

Авторы, отстаивающие самобытность российской цивилизации и ее имперский характер: Леонтьев, Невзоров,

⁸⁸ Almond Gabriel A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Sedge Publications, California, 1989; Eisenstadt S. N. *Empires//International Encyclopedia of the Social Sciences*. VolIV. NY.1968, P. 41. Каспэ С. *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. М.: РОССПЭН, 2001. С. 25—26; Паин Э., Федюнин С. *Нация и демократия*. М.: Мысль, М., 2017.

⁸⁹ Бусыгина И., Филиппов М. *Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски*. Фонд «Либеральная миссия». М., 2012; Каспэ. Там же; Паин, Федюнин. Там же.

⁹⁰ Hagemeyer M. (2016) *Bereit für die Endzeit. Neobyzantismus im postsowjetischen Russland, Osteuropa*, 2016, №11—12, S. 15—44. Götz R. *Im Izborsker Klub: Russlands antiwestliche Intelligencija*. Osteuropa, 2015 №3, S. 109—138; Тренин Д. *Post-imperium. Евразийская история*. М.: РОССПЭН, 2012; Паин и Федюнин, Там же; Каспэ, Там же, Филиппов и Бусыгина, Там же.

Цымбурский⁹¹ и др.) – разработали философско-идеологическую основу для политиков-консерваторов.

Наконец, критический подход и анализ противоречивого соотношения империи и модернизации анализируют Бусыгина, Филиппов, Каспе, Паин, Федюнин и др.

Будем руководствоваться определением империи, данным Ш. А. Айзенштадтом:

империя – это политическая система, охватывающая большие, относительно сильно централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в личности императора, так и центральных политических институтах, образует автономную единицу.

Империи обычно основывались на традиционной легитимации, но использовались и более широкие, потенциально универсальные политические и культурные ориентации, выходявшие за пределы того, что было свойственно любой из составляющих империю частей⁹². Суммируя ряд определенных разных авторов, С. Каспэ называет следующие признаки империи⁹³:

⁹¹ Леонтьев М., Невзоров А. (2008) Крепость Россия. М.: Эксмо, 2008; Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хроно-политические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.

⁹² Eisenstadt S. N. Empires//International Encyclopedia of the Social Sciences. VolIV. NY, 1968. P. 41; Паин Э., Федюнин С. Нация и демократияМ.: Мысль. 2017.

⁹³ Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 25—26.

- возникновение вследствие военного и/или экономического подчинения;
- включение покоренных народов и территорий в государственную структуру, единую с народом, вокруг которого она образуется;
- иерархический принцип организации, извлечение выгод для народа, ее создавшего за счет народов, в нее включенных;
- высокая роль армии, создающая идеологический имидж имперской государственности;
- этническая, национальная, историческая разнородность в сочетании с иерархическим принципом, которая способствует развитию, как комплексов национальной неполноценности, так и национального величия и исключительности, претензии на мировое величие/господство;
- тяготение к личной власти, пирамида власти, которую венчает правитель, воплощающий военную власть и сакрально-идеологическую санкцию бытия империи;
- общая идеология;
- экспансия как неизменная интенция и *modus vivendi*.

Две важные характеристики империи отмечают Эмиль Паин и Сергей Федюнин⁹⁴. Первое: имперская власть нацелена на сохранение имперского тела, т. е. территории страны, разделенные на слабо интегрированные регионы, сохраняющие исторические следы завоеваний. Это заметно,

⁹⁴ Паин, Федюнин. Там же, сС. 196–199.

прежде всего, в регионах компактного проживания этнических общностей. Второе: имперское сознание, включающее сложный комплекс стереотипов массового сознания, включающее «подданническое» сознание⁹⁵, сохраняющее устойчивые этатистские ценности.

Именно с этими характеристиками мы сталкиваемся, анализируя особенности Российской империи и Советского Союза.

⁹⁵ Almond, Verba. Ibid.

Российская Империя

Большевики, стремясь найти симпатии у национальных меньшинств, называли Российскую империю «тюрьмой народов», сторонники евразийства подчеркивают особую цивилизационную роль российского государства и нетипичность этой империи, составлявшей единое целое с завоеванными и присоединившимися территориями, а не метрополию и отдаленные от нее колонии, как, например, в Великобритании, Франции или Голландии.

Действительно, начиная с существования Московского царства, страна постепенно расширялась за счет присоединения (или покорения) сначала соседних княжеств, затем – Казанского ханства и Сибири. В территориальный состав страны по договорам вошли Новороссия, Армения и Грузия. В результате раздела Польши – ее часть, а также Финляндия, Прибалтика, Молдова, Хивинское и Бухарское ханства, Крым. Наконец, уже в XIX веке, был завоеван Кавказ. Это расширение территории сопровождалось использованием военных методов и насилия разной степени интенсивности: от локальных военных операций Ермака в Сибири до нескольких полномасштабных войн с использованием действующей армии в случае с Крымом и Кавказом.

При этом присоединенные территории обладали значи-

тельной автономией. Однако одновременно проводилась политика освоения территорий и их заселения (это касается, в первую, очередь Сибири). Царское правительство не занималось прозелитизмом и допускало существование других конфессий. Не запрещалось пользоваться местными языками. В структурах управления были представители народов, населявших эти регионы. И, наоборот, представители национальных элит привлекались в царскую армию и принимались при дворе. Именно поэтому бунты с национальной окраской хотя и случались, но были редки и имели скорее экономические причины. Вопрос выхода из состава империи был актуален, пожалуй, только для Польши. Наряду с этим проводилась последовательная политика русификации. При этом российская власть вкладывала огромные ресурсы в освоение территорий: строительство производств, городов, коммуникаций. Особо нужно подчеркнуть важность строительства железной дороги до Владивостока. В городах возникали центры образования и науки. В период после Великих реформ Александра II начала развиваться система местного самоуправления – земство, строились больницы и школы. Изменилось в пользу граждан и судопроизводство: были введены суды присяжных. Бурно развивалась экономика.

Особенно важна была цивилизационная роль империи для присоединенных народов, находившихся на стадии догосударственной фазы развития, зачастую не обладавших собственной письменностью: якутов, калмыков, киргизов и ма-

лых народов Севера и Сибири.

Модернизационные процессы вступили в противоречие с основным принципом империи – территориального расширения и единовластия. Начали формироваться националистические движения на окраинах империи, с введением выборов и появления партий, в начале XX века появились и националистические партии. Это целый ряд социалистических: демократическая и народная партии на Украине, Белорусская социалистическая громада, ряд польских партий – от «Пролетариата» до прогрессивно-демократического союза, еврейские социалистические рабочие и сионистские партии, Дашнакцутюн и Социал-демократическая партия в Армении, мусульманские социал-демократические и демократические партии, большое число партий различного спектра в Финляндии. Наряду с этим возник и ряд правых русских националистических партий, ратующих за самодержавие и сохранение империи, наиболее известны из них Русский народный Союз имени Михаила Архангела и Союз 17 октября.

Кризисные явления вследствие Первой мировой войны и экономического кризиса привели к Февральской революции 1917 года и захвату власти большевиками в ноябре (октябре по старому летоисчислению) этого же года. Одним из следствий стал стремительный распад империи, отделение и превращение в самостоятельное государства Польши, Финляндии, стран Балтии, Украины, Грузии и Армении.

В России колонизированные области не сохраняли осо-

бый статус, поэтому не было причины различать колонию и метрополию⁹⁶. Самодержавие просто пыталось «воспитывать» народы, руководствуясь собственным удобством управления по ходу освоения новых территорий⁹⁷. Важно, что имперская культура способствовала интеграции различных групп, определяя своих и не своих по сословным и профессиональным критериям⁹⁸. При этом русские были менее благополучными, чем другие народы и могли компенсировать свое политическое бесправие и бедность символической причастностью к могуществу империи⁹⁹.

⁹⁶ Ачкасов В. Была ли Российская империя «тюрьмой народов». Мировой порядок – время перемен (под ред. Соловьева А., Гаман-Голутвиной О.) М.: Аспект пресс. 2019, с. 235.

⁹⁷ Булдаков В. Quo vadis? Кризисы для России: пути переосмысления. М: РОС-СПЭН., 2007, С. 37

⁹⁸ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. (2014) Новое литературное обозрение, М., 2014, с. 160.

⁹⁹ Фурман Д. От Российской империи к русскому демократическому государству (2010). Неприкосновенный запас. 2010, №5, с. 73.

Советская империя: расширение пояса влияния

Политика большевиков, одним из провозглашаемых лозунгов которых было право на самоопределение вплоть до отделения, в реальности расходилась с этой декларацией. С укреплением Красной армии вновь были «покорены» старые части империи: Украина, Армения, Грузия, страны Средней Азии. Не удалось вернуть Польшу, самостоятельными остались страны Балтии и Финляндия. Но старые принципы построения империи, видоизменившись, сохранялись: централизация, подчинение центру периферии и расширение границ.

Тоталитарное унитарное советское государство, формально считавшееся федеративным, само заложило фундамент собственного распада. Во всех трех советских конституциях – 1924, 1936 и 1977 года – было зафиксировано право республик на самоопределение, Сталин учредил министерства иностранных дел республик, Белоруссия и Украина были членами ООН.

При весьма сложном территориальном построении Советского Союза, включавшем (по мере снижения самостоятельности) республики, автономные республики, края, обла-

сти, образованные по национально-этническому принципу, и (неавтономные) области и районы, в которых жило преимущественно русскоязычное население, государство было, по сути, унитарным. Оно управлялось Коммунистической партией и органами госбезопасности. Парадоксальным образом в каждой из республик существовала своя «титовская» Компартия, но в Российской Федеративной Социалистической республике ее не было, как не было и отделения Академии наук.

Тем самым по умолчанию предполагалось, что русский народ – системообразующий, и все центральные органы власти СССР представляют и интересы русских.

В то же время любые проявления национализма жестоко пресекались. Но одновременно в отношении различных этносов проводилась интеграционная политика. Начиная с 20-х годов, реализовалась политика «коренизации»¹⁰⁰. Она включала вовлечение представителей различных национальностей в органы управления, а также поддержку развития языков, включая преподавание в школе и культуры. Для 46 этносов, не имевших письменности, был создан и внедрен алфавит.

Тем самым для части территорий центр играл цивилизационную роль. В этом случае не центр эксплуатировал периферию, но, наоборот, вкладывал ресурсы в создание

¹⁰⁰ Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена, 2014, №1, с. 41–49.

промышленности, инфраструктуры, образование и культуру. Эта политика привела к образованию, помимо Центра, который в российском случае представляют две столицы – Москва (административная) и Санкт-Петербург (культурная), полупериферии, городов с населением более миллиона, приближающимся по своим характеристикам – индустриальным, экономическим, политическим и общественным – к центру и периферии с существенно отличающимися – в худшую сторону – параметрами развития.

В первые годы советской власти главной целью провозглашалась пролетарская революция во всем мире и принцип интернационализма. СССР взял на себя задачу координации мирового коммунистического движения, т. е. в опосредованной форме вернулся к политике территориальной экспансии, поддерживал коммунистов в войне в Испании. Реальное расширение территории произошло в результате заключения пакта Молотова – Риббентропа в 1939 году, в соответствии с его секретным протоколом к СССР отошли страны Балтии, Бессарабия (Западная Украина и Молдова), ряд областей, входящих в состав Польского государства.

Итоги Второй мировой войны и Ялтинские соглашения привели к появлению социалистического лагеря – второго кольца территорий, контролируемых из Москвы. Заключение в 1955 году Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословаки-

ей, просуществовавшего до 1991 года (Албания прекратила работу в нем в 1962 и денонсировала договор в 1968 году, ГДР перестала быть членом договора после объединения Германии). Помимо провозглашаемых целей борьбы за мир и разоружения, договор предусматривал немедленную военную помощь в случае угрозы странам-членам (т.н. «Доктрина Брежнева»). Во всех странах – членах были дислоцированы группы или отряды войск Варшавского договора.

Насколько жесткими формами контроля пользовалось Политбюро ЦК КПСС в отношении стран социалистического лагеря, показывают силовые подавления восстаний в ГДР 1952, в Венгрии – 1956 и в Чехословакии – 1968 годов. В подавлении Пражской весны участвовали, помимо советских войск, и войска Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии. Только объявление военного положения первым секретарем ЦК Польской рабочей партии Войцехом Ярузельским предотвратило повторение этого сценария в Польше в 1980 году.

Кроме того, СССР спонсировал коммунистические партии и поддерживал антиколониальное движение в неприсоединившихся (т. е. не относящихся ни к капиталистическому, ни социалистическому лагерю странам). В 14 таких странах были советские военные базы (Куба, Вьетнам, Сирия и т. д.), в 8 – авиационные базы (Египет, Гвинея, Ангола и т. д.)¹⁰¹. Советский Союз принимал участие и в полномасштаб-

¹⁰¹ Феськов В. И., Голиков В. И., Калашников К. А., Слугин С. А. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской

ных войнах не на своей территории. В войне в Корее (1950–1953) в составе Народной армии Северной Кореи, напавшей на Южную, было более 4 000 военных советников и гражданские специалисты, а также 64-й истребительный авиакорпус¹⁰².

В войне во Вьетнаме участвовала группа из 6 360 советских офицеров – в качестве военных советников. На безвозмездной основе СССР поставил две тысячи танков, семьсот легких и маневренных самолетов, семь тысяч минометов и орудий, более сотни вертолетов и многое другое было поставлено СССР в качестве безвозмездной дружеской помощи Вьетнаму¹⁰³.

И в том, и в другом случае с советской стороны участвовали формально только военные советники. А в Афганской войне (1979–1989), ставшей одной из причин краха СССР, участвовал уже ограниченный контингент советских войск. Только потери советской армии составили 14 тысяч 427 человек, 53 тысячи были ранены или контужены¹⁰⁴.

(часть 1: Сухопутные войска) / под науч. ред. В. И. Голикова. – Томск: Изд-во НТЛ. 2013.

¹⁰² Соколов Б. С. СССР и Россия на бойнях. Людские потери в войнах XX века. // <https://military.wikireading.ru/10281>.

¹⁰³ Советские войска во Вьетнаме – Какова была их задача? // Военное обозрение <https://topwar.ru/13536-sovetskie-voyska-vo-vetname-kakova-byla-ih-zadacha.html>.

¹⁰⁴ Иванов В. Афганская война. Как это было. // История РФ. <https://histrf.ru/biblioteka/b/afghanskaia-voina>.

Националистические движения в советский период действовали в подполье и были связаны с диссидентским движением, наиболее влиятельными были украинское, литовское национально-религиозное, эстонское национально-демократическое, латышское, армянское и грузинское национальные движения и движения за возвращение на родину (крымско-татарское – в Крым и месхетинское – в Грузию), движения за выезд – еврейское и немецкое. Их лидеры подвергались преследованиям со стороны КГБ и получали сроки заключения и ссылки¹⁰⁵, активность этих групп к началу перестройки была почти подавлена.

Специфика Советской империи состояла в том, что иерархический принцип действовал только отчасти, центр вкладывал значительные ресурсы в развитие (в первую очередь) национальных республик. В довоенные годы сохранялся и модифицированный сословно-идеологический принцип, деление на пролетариат, крестьянство и т. н. «лишенцев» и беспартийных. Этническая принадлежность играла второстепенную роль.

Посмотрим, какие имперские принципы продолжали действовать.

Сохранялась высокая роль армии и силовых структур в целом, идеологический имидж имперской государственности постоянно поддерживался.

¹⁰⁵ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР в новейший период. М.: МХГ, 2006, с. 7–149.

Продолжала существовать этническая, национальная, историческая разнородность в сочетании с представлениями об исключительности и претензиями на мировое господство как ядерной сверхдержавы.

Существовала целостная коммунистическая идеология, пронизывающая все сферы жизни и идеологический контроль.

Экспансия (как военная, так и экономическая в виде помощи странам Третьего мира) и военные операции не на своей территории были постоянным фоном и содержанием международной политики СССР (участие в войнах в Корее и Вьетнаме, война в Афганистане).

Распад СССР сначала прервал эту традицию, чтобы впоследствии к ней вернуться.

Распад Советской Империи

Очередная волна глубокой модернизации, начавшаяся с перестройки, во многом подорвала имперские основы страны. В России была принята Конституция, закрепившая принципы президентско – парламентской республики, частную собственность, права человека и федеративный принцип территориального устройства. Однако отсутствие четкой стратегии развития страны, неверный институциональный выбор и, наконец, укоренившаяся в сознании большинства система ценностей привели к очередному возвращению в колею: к автократии с имперскими амбициями. Россия стремительно превращалась по определению Григория Явлинского в страну «периферийного капитализма»¹⁰⁶.

Филипп Шмиттер¹⁰⁷ пишет о «проблеме территориальной единицы», больших шансах развития демократии в рамках суверенного национального государства, которое обеспечивает высокий уровень сплоченности, часть исследователей полагает, что обеспечение демократии в других рамках невозможно¹⁰⁸. Другими словами, условиями для успешного

¹⁰⁶ Явлинский Г. Периферийный капитализм. М.: Интеграл-Ин-форм. 2003.

¹⁰⁷ Шмиттер Ф. Размышления о транзитологии раньше и теперь // Отечественные записки. 2013, с. 23

¹⁰⁸ Linz J., Stepan A., (1996) Problems of Democratic Transition and Consolidation.

реформирования политических институтов являются национальная самоидентификация, ясные территориальные границы и суверенная власть¹⁰⁹. Это означает, что имперское прошлое является существенным препятствием для модернизации и демократизации.

Перестройка и гласность, выход активистов национальных движений на свободу стимулировали бурный рост национально-демократических движений, уже в 1988–89 годах заявивших о необходимости завоевания независимости. При этом в Эстонии, Латвии и Литве, например, в числе их сторонников и проводников были и члены центральных комитетов Коммунистической партии. Рост влияния движений, выступающих за отделение, мы видим на Украине, в Армении, Грузии, позже – в Белоруссии. Аналогичные, но слабее выраженные процессы происходят и в российских автономных республиках (за исключением Чеченской республики)¹¹⁰. За исключением Казахстана, такие движения в Средней Азии отсутствовали. Параллельно шло стремительное разрушение внешних колец империи: бархатные революции и падение Берлинской стены, вывод советских войск из Афганистана и стран Центрально-Восточной Европы были кон-

Jon Hopkins Press, Baltimore and London, 1996, p. 16–37. 5 Rustow D. Transition to Democracy: a Dynamic Model/ *Comparativ Politics* 1970, Vol. 2 No. 3 p. 337–363.

¹⁰⁹ Rustow D. Transition to Democracy: a Dynamic model/ *Comparativ Politics*. 1970. Vol. 2 No. 3 p. 337-363.

¹¹⁰ См. подробнее: Михалева Г. М. Российские партии в контексте трансформации. М.: Книжный дом Либроком. 2009, с. 81–144.

цом существования социалистического лагеря. СССР перестал финансировать коммунистические партии за рубежом.

С объявлений о суверенитете Эстонии (1988), Латвии (1990) и Литвы (1990) начался распад ядерной империи. Этот процесс получил название «парада суверенитетов». Армения провозгласила декларацию о независимости в 1990 году, важную роль при этом играла резня армян в Баку и конфликт вокруг Нагорного Карабаха, остающегося до сегодняшнего дня непризнанным де-факто государством. Этот конфликт не прекращается и сейчас, горячие фазы настоящей войны сменяют локальные перестрелки, а события осени 2020 года («третья Карабахская война») показали, что Россия продолжает существенно влиять на конфликт между Арменией и Азербайджаном.

Грузия решила вопрос о независимости после грузино – абхазского и грузино – осетинского конфликта на референдуме 1991 года. При этом Абхазия и Южная Осетия провозгласили свою независимость и также остаются непризнанными де-факто государствами. Азербайджан заявил о независимости в 1991 году, после введения танков для подавления беспорядков в Баку вследствие армянских погромов 1990 года. Молдова приняла декларацию о суверенитете в 1990 году, одновременно от нее отделилась Приднестровская Молдавская Республика, также де-факто государство до сих пор.

РСФСР провозгласила государственный суверенитет в 1990 году, в этот период ослабляются вместе с союзным цен-

тром позиции генерального секретаря КПСС, позже – президента СССР Михаила Горбачева, и усиливаются позиции Бориса Ельцина, который был триумфально избран президентом России. Августовский путч 1991 года, направленный на возврат власти КПСС и органов госбезопасности, провалился: армия после вывода войск из Афганистана была не готова жертвовать своими жизнями для, с их точки зрения, предавших их путчистов.

Наконец, 26 декабря 1991 года президентами России, Украины и Белоруссии было подписано Беловежское соглашение. СССР формально прекратил свое существование. Созданное на его развалинах Содружество Независимых Государств и позже – Договор о коллективной безопасности – остались в основном на бумаге. Теперь и ядро советской империи было разрушено. Бывшие республики СССР стали самостоятельными государствами, сформировали национальные элиты, приняли конституции и стали постепенно отдаляться от России, которая продолжала (и продолжает) считать эти страны зоной своего геополитического влияния.

Попытки отделения частей самой России закончились тем, что страна сохранила свои границы. Стараясь завоевать симпатии этнонациональных элит в борьбе с бывшей партноменклатурой, Борис Ельцин уже в 1990 году призвал республики «брать столько суверенитета, сколько они могут проглотить»¹¹¹. И, действительно, до заключения Федеративно-

¹¹¹ Известия, 8 августа 1990.

го договора 1992 года, вошедшего в качестве составной части в принятую на референдуме 1993 года Конституцию, автономии подняли свой статус до республик (провозгласив до этого свой суверенитет). До 1993 года Татарстан пытался стать независимым, но отказался от этого после принятия Конституции. Часть областей попыталась поднять статус до республик, обладающих большими правами (конституция, президент) и т. д., дальше всех в этом продвинулась Свердловская область, но также была вынуждена отказаться от этого проекта. Особый случай представляет собой Чеченская республика, объявившая в 1991 году о своем суверенитете. Однако после двух чеченских войн (1994–1996 и 1999–2001) республика вновь стала частью России.

В образовавшейся в результате этих процессов договорной федерации было множество противоречий, связанных со статусом ее частей: декларация о равенстве субъектов противоречила более высокому статусу республик, по сравнению с краями и областями, так называемому «матрешечному» характеру, когда одни субъекты были территориально включены в другие субъекты. Кроме того, не были четко закреплены полномочия центра и регионов, региональное законодательство противоречило федеральному, все больше различалось финансовое состояние регионов-доноров и регионов, не обладающих ресурсами. Центр в условиях низких цен на энергоносители не мог компенсировать бедным регионам эту разницу.

Но после выборов Государственной Думы с 1993 года эти проблемы начали постепенно законодательно регулироваться, и стал возникать, пусть и пока несовершенный, но федерализм.

С приходом к власти Владимира Путина в 2000 году одним из его первых шагов стала федеративная реформа, направленная на ограничение самостоятельности глав регионов и унификацию их властных структур. В 2004 году, после событий в Беслане, где школа была захвачена чеченскими террористами, были отменены выборы губернаторов. Выборность была возвращена лишь в 2012 году, но с существенными ограничениями, т. н. муниципальным фильтром: необходимостью сбора подписей муниципальных депутатов, большинство из которых – члены правящей партии «Единая Россия». Стали практиковаться снятия губернаторов президентом и назначение исполняющих обязанности, которых потом и выбирали. Одновременно отказались и от выборности мэров, перейдя на систему назначаемых сити-менеджеров. В 2017—18 годах администрация президента начала кампанию по смене губернаторов, многие из которых занимали должности десятки лет, на новых «молодых технократов», которые не были связаны с регионами и проходили специальную подготовку, организованную администрацией президента. Страна стала управляться из центра, регионы потеряли самостоятельность. Оставаясь формально федерацией, Россия превратилась в унитарную страну.

Отношения центра и периферии в советский и постсоветский период сохраняли свою специфику: экономически сильный центр, инициирующий с большим или меньшим успехом модернизационные процессы, полупериферия – города миллионники и отсталая и бедная периферия, похожая на колонии и сохраняющая свои этно-конфессиональные особенности. Наталья Зубаревич¹¹² пишет о существовании «четырех России»: столиц и городов-миллиоников, провинции и традиционалистской, включающей этнические республики и дотационной провинциальной России с малыми городами и селом. Агломерации вокруг столиц и больших городов бурно развиваются, а остальные регионы не только остаются дотационными, но и деградируют, разрыв между лидерами и отстающими становится непреодолимым. Части страны движутся по разной временной оси: одни – в будущее постмодерна, другие – в традиционалистское прошлое¹¹³. Особенно отчетливо это видно на примере республик Кавказа, где происходит демодернизация, практикуются убийства чести, женские обрезания и жизнь идет не по законам, а на основе неформального права, адатов. Это зоны, живущие фактически вне правового поля при одном условии: сохранении верности Президенту. Клань и тейпы играют большую роль, чем формальные властные институты.

¹¹² Зубаревич Н. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. Независимый институт социальной политики, М. 2010.

¹¹³ Столяров Б. Повестка развития: время, вперед! // Ведомости. 2012, 2 июля.

Одновременно проводилась модернизация и демократизация: внедрение современных институтов, урегулирование отношений с Западом, в т. ч. путем заключения соглашений и международных договоров, вхождение России в ОБСЕ, Парламентскую ассамблею Совета Европы, ВТО.

При партнерских отношениях с США, ЕС, другими странами взаимодействие с осколками империи существенно различались. Бывшие республики в большей или меньшей степени старались избавиться от патронажа бывшей метрополии. Страны Балтии взяли курс на вступление в ЕС и были приняты в уже в 2004 году и образовали в европейских структурах, солидаризуясь с Польшей, странами Северной Европы и Великобританией, антироссийский альянс, жестко критикуя позиции России, особенно – в спорных ситуациях. Украина, сохраняя отношения с Россией, все больше ориентировалась на европейских партнеров. В Молдове влиятельные силы выступали за воссоединение с Румынией и получали румынские паспорта. Белоруссия, у которой формально существовало совместное с Россией союзное государство, периодически апеллировала к Европейскому Союзу. Армения, ведя военные действия в Нагорном Карабахе, ориентировалась на военную поддержку России в конфликте с усиливающимся Азербайджаном, который укреплял свои отношения с Турцией. Грузия все больше отдалялась от России, сближаясь с США. Казахстан, поддерживая дружеские отношения с Россией, развивал отношения с Китаем и США. Уз-

бекистан все больше ориентировался на Китай.

Война России с Грузией 2008 года ухудшила отношения России и бывших республик СССР и стала «спусковым крючком» к принятию программы Восточного партнерства ЕС, включившего Грузию, Азербайджан, Молдову, Украину, Белоруссию и Армению и «выносившего за скобки» как отношения этих стран с Россией, так и с ЕС.

Очевидным стал и декларативный характер постсоветских структур, объединяющих сейчас уже независимые страны. Содружество независимых государств, созданное в 1991 году и ратифицированное странами СССР (кроме стран Балтии), в 2008 году покинула Грузия, в 2014 году – Украина, Туркмения осталась ассоциированным членом (с 2005 года) и договор не ратифицировала.

В 1992 году Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан подписали в Ташкенте договор о коллективной безопасности (ДКБ)¹¹⁴. Азербайджан, Грузия и Белоруссия подписали договор в 1993 году.

В 1999 году президенты Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана подписали протокол о продлении срока действия договора на следующий пятилетний период, однако Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались от продления договора. В 2002 году было принято решение о преобразовании ДКБ в полноценную между-

¹¹⁴ Николаенко В. Д. Организация Договора о коллективной безопасности: (историки, становление, перспективы) / В. Д. Николаенко. М.: Науч. кн. 2004

народную организацию – Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В 2004 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о предоставлении ОДКБ статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН.

В 2006 года в Сочи было подписано решение о полном присоединении (восстановлении членства) Узбекистана к ОДКБ.

ОДКБ ограничивалось проведением военных учений с разным составом, однако, несмотря на многочисленные внутренние конфликты, сопровождавшиеся насильственными действиями, например, в Кыргызстане и Узбекистане, страны – члены ОДКБ никак не реагировали.

4 февраля 2009 года в Москве лидеры стран ОДКБ одобрили создание Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. До 2020 года КСОР ни разу не был задействован.

Белоруссия и Узбекистан не подписали КСОР. А в 2012 году Ташкент направил ноту с уведомлением о приостановлении членства Узбекистана в ОДКБ.

В качестве альтернативы СНГ и военных союзов была выдвинута идея Евразийского экономического союза, строящегося на тех же принципах, что и ЕС: свобода движения то-

варов, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. По замыслу, к договору должны были присоединиться неевропейские страны. В 2014 году участницами договора стали Белоруссия, Казахстан, Армения и Россия. В 2015 году присоединился Кыргызстан, и было подписано соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом. В 2017 году Молдова получила статус наблюдателя. А в 2018 году был подписан таможенный кодекс стран – участниц.

Концепция внешней политики Российской Федерации была принята указом президента, к ее приоритетам в первую очередь относятся:

- развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием, а также стратегическое взаимодействие с Республикой Белоруссия в рамках Союзного государства в целях развития интеграционных процессов во всех сферах;
- углубление и расширение интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Республикой Армения, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой;
- качественное развитие ОДКБ, превращение ее в авторитетную многофункциональную международную организацию, способную противостоять современным вызовам и

угрозам в условиях усиливающегося воздействия разноплановых глобальных и региональных факторов в зоне ответственности ОДКБ и прилегающих к ней районах.

Итак, Россия по-прежнему рассматривает часть постсоветских республик как зону своего влияния, но заключенные соглашения не действуют или действуют неэффективно, часть стран постепенно выходит из них, а часть остается только на бумаге при сохранении серьезных конфликтов.

Эти противоречия связаны с постимперским синдромом России и разрывом между задачами модернизации страны и ее расширения и увеличения геополитического влияния. Некоторые тенденции развития в этом направлении можно проследить уже в конце 1990 – начале 2000-х годов. Это, например, т. н. бросок на Приштину российского состава миротворческих войск в Боснии и Герцеговине в 1999 и поддержка Россией Сербии в межнациональном конфликте распадающейся Югославии. В этом же ряду – принятие (вместо совместного Соглашения о сотрудничестве и партнерстве России и ЕС, принятого в 1994 году) отдельной Среднесрочной стратегии отношений РФ и Евросоюза (2000– 2010)¹¹⁵.

Не очень последовательная, но обладающая, в основном, модернизационно – демократическим вектором и ориентированная на дружеские отношения с Западом внешняя по-

¹¹⁵ Михалева Г. М. Основные этапы изменения политики ЕС в ходе российской трансформации/ Медушевский Н. А., Михалева Г. М., Гордеева М. А., Кутырев Г. И. Европейский Союз. Риски и вызовы современного этапа политической эволюции. М.: Ленанд, 2019, с. 317–330.

политика России сменилась политикой соперничества, вражды, захвата чужих территорий и военных действий в чужих странах. Эта политика отчетливо напоминает имперскую политику Советского Союза и существенным образом сказывается и на внутренней политике – в части ограничения прав и свобод граждан.

Ресоветизация и постимперский синдром.

Возврат России к имперским традициям был обусловлен как прерванной модернизацией, так и позициями политических элит и населения.

Самюэль Хантингтон, Роберт Патнэм, Фрэнсис Фукуяма, Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель¹¹⁶ и ряд других авторов считают, что культурные традиции очень устойчивы и сегодня определяют политический и экономический облик обществ. При этом Инглхарт показал¹¹⁷, что существует корреляция между уровнем дохода и ценностями: доход пропорционален распространенности рационально-секулярных ценностей. Исключение составляет, помимо стран Центрально-Восточной Европы (в меньшей мере), Россия.

Линией водораздела, отделяющей не очень последовательную, но обладающую в основном модернизационно – де-

¹¹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2007; Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996; Фукуяма, Ф. Доверие, Москва: АСТ. 2008; Inglehart R., Welzel, Ch. Modernization, Cultural Change and Democracy, New York: Cambridge Univ. Press, 2005; Инглахарт Р. Модернизация и демократия. Демократия и модернизация./ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Изд-во Европа. 2010, с. 176–178.

¹¹⁷ Там же.

мократическим вектором и ориентированную на дружеские отношения с Западом внешнюю политику России 1990-х годов от политики соперничества, вражды, захвата чужих территорий и военных действий в чужих странах, является приход к власти Владимира Путина. Проводимая им политика отчетливо напоминает имперскую политику Советского Союза и существенным образом сказывается и на внутренней политике – в части ограничения прав и свобод граждан.

Декларацию нового курса России мы видим в мюнхенской речи Владимира Путина на конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года¹¹⁸. Он, в частности, заявил:

- что внедряемая концепция однополярного мира невозможна;
- Россию учат демократии, но сами эти правила не соблюдают;
- США пренебрегают принципами международного права, никто не чувствует себя в безопасности;
- увеличивается число стран, обладающих ядерным оружием;
- НАТО продвигается на Восток, к российским границам, что противоречит договоренностям, связанным с роспуском Варшавского договора;
- ОБСЕ пытаются превратить в инструмент вмешательства во внутренние дела других стран;

¹¹⁸ https://ru.wikisource.org/wiki/Речь_Путина_в_Мюнхене,_2007.

- Россия – страна с более чем тысячелетней историей, всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику и не собирается изменять этой традиции.

Итак, это была заявка на восстановление статуса центра силы и обвинения Запада в попытке установить мировой порядок.

Интересно, что этот антизападный поворот происходит на фоне укрепления экономики России, связанного с ростом цен на нефть и увеличением золотовалютного запаса страны, что отразилось и на благосостоянии граждан. В 2007 году нефть стоила около 100 долларов, но пик был впереди, в 2008 – это уже 144 доллара за баррель¹¹⁹.

Активно стала проводиться политика, направленная на территориальное расширение. Россия поддерживала де-факто государства как финансово – экономически, так и политически, выдавая гражданам Южной Осетии (неоднократно просившей о включении в состав России и воссоединении с Северной Осетией – республикой РФ) и Абхазии российские паспорта. Тем не менее, вооруженный конфликт с Грузией стал для многих наблюдателей неожиданным. По оценке независимой международной комиссии под руководством швейцарского дипломата Хайди Тальявини, начала военные действия Грузия с обстрела Цхинвала (столицы Южной Ос-

¹¹⁹ <https://yandex.ru/search/?text=цены%20на%20нефть%20с%201990%20по%202017%20график&lr=213>

тии). До этого в Абхазию были введены российские железно-дорожные войска. В ответ российские и абхазские войска вошли в Южную Осетию через Кодорское ущелье, начались бомбардировки территории Грузии. «Пятидневная война», в которой участвовали как российские, так и осетинские войска, была Грузией проиграна¹²⁰. В Абхазии военные действия ограничились локальными морскими боями. Тем самым Россия сохранила контроль над территориями двух де-факто государств. А дипломатические отношения с Грузией были разорваны, как и транспортные связи, запрещены поставки товаров из Грузии, закрыты грузинские рестораны. Отношения стали вновь налаживаться лишь в 2017 году до нового кризиса в 2019.

Кроме того, Россия начала практиковать торговые войны – запрет на ввоз той иной продукции: польского мяса, шпротов из Латвии. Обострился газовый конфликт с Украиной и Белоруссией. Однако торговые отношения и риторика «партнерства» с западными странами сохранялась. При этом стала отчетливо проявляться переориентация на укрепление отношений с Китаем.

2014 год стал поворотным и отразился не только на внешней, но и на внутренней политике России. Воспользовавшись внутривнутриполитическим кризисом на Украине, Россия присоединила (аннексировала) Крым, организовав под при-

¹²⁰ Пятидневная война России с Грузией с 8.08.2008 по 12.8.2008. / <https://comp-pro.ru/voennye-konflikty/pyatidnevnyaya-vojna.html>.

смотром «вежливых людей» – военных без знака различий, но с оружием – референдум. Тем самым были нарушены не только международный договор, заключенный в 1994 году, когда Украина отказалась от ядерного статуса, но и п. 4 Устава ООН. Одновременно были захвачены административные здания в Донецкой и Луганской областях, однако до присоединения этих территорий не дошло, были провозглашены два новых де-факто государства – Донецкая и Луганская республики. Начались военные действия ополчений этих территорий против украинской армии. Ополченцы получали военную (включая участие находящихся «в отпуске») военнослужащих, а население – гуманитарную поддержку со стороны России.

Эти шаги по реальному территориальному расширению страны уже очевидно имеют имперский характер. Внутри страны следствием присоединения Крыма стал патриотический подъем и широкая консолидация как различных политических сил, так и граждан («крымская весна») вокруг действий властей и, в первую очередь, Владимира Путина.

Введение санкций в отношении России после аннексии Крыма усилило антизападный вектор внешней политики России. Россия была исключена из G8. Хотя в ответ были введены антисанкции – запрет на ввоз продуктов из западных стран, антизападные настроения усилились, а эйфория долго сохранялась. Государственное телевидение превратилось в действенный инструмент пропаганды, где на всех ка-

налах проходят многочасовые шоу с гневной критикой политики Украины, Грузии, стран Европейского Союза и США. Без преувеличения можно говорить о холодной войне 2.0.

Наконец, Россия вернулась к ведению полномасштабных военных действий на территории других государств и созданию там военных баз¹²¹. Уже в 2003 году Министерство обороны пересмотрело вопрос о российских воинских контингентах, которые в ближнем зарубежье незначительно сокращаются, одновременно усиливаясь новыми авиационными и другими высокотехнологичными формированиями и вооружениями (высокоточной артиллерией, средствами связи, разведки и тому подобным)¹²².

С 2009 года в Абхазии дислоцируется 7-я объединенная военная база российских Вооруженных сил. С 2009 года в Южной Осетии дислоцируется 4-я российская военная база.

В Армении 102-я российская военная база в Гюмри с численностью личного состава около 5 000 человек оснащена зенитным ракетным комплексом С-300 и истребителями МиГ-29. В течение 2006—2007 годов сюда был переведен с территории Грузии штаб Группы российских войск в Закавказье (ГРВЗ), а также часть личного состава и вооружений, ранее находившихся в Грузии.

В Белоруссии Радиолокационная станция «Волга» (Ган-

¹²¹ Дынер А. М. Российская операция в Сирии: итоги и перспективы // <https://inosmi.ru/politic/20171109/240718985.html>.

¹²² Все российские базы. <https://www.kommersant.ru/doc/766827>.

цевичи) входит в состав системы предупреждения о ракетном нападении и поставлена на боевое дежурство 1 октября 2003 года.

В Казахстане расположены испытательные полигоны, радиотехнические узлы и другие военные объекты.

В Киргизии дислоцированы военная база.

Узел связи ПМР (Приднестровская Молдавская Республика (де-факто) / Молдавия (де-юре) остается одним из крупнейших оружейных складов в Европе в районе населенного пункта Колбасна, принадлежавший бывшей 14-й армии СССР. Сейчас в составе оперативной группы в Приднестровье остаются два отдельных мотострелковых батальона (выполняют миротворческие задачи), батальон охраны и обслуживания, вертолетный отряд, несколько подразделений обеспечения.

В Таджикистане остается оперативная служба ФСБ и оптико-электронные комплексы по соглашению об охране таджико-афганской границы.

В 2015 году Россия начала военную операцию против Исламского государства в Сирии. Операция в Сирии стала первой после Афганистана миссией, которую Россия проводила за пределами постсоветского пространства. В ее ходе россияне задействовали потенциал Воздушно-космических сил, Сил специальных операций, военной полиции и Военно-морского флота. Российские военные взаимодействуют с сирийской армией, а также с иранскими Стражами Ислама.

ской революции, ливанским движением «Хезболлах» и шиитской милицией. Кроме того, россияне активно занялись обучением и оснащением сирийских военных. По данным министерства обороны РФ, в ходе операции погибли 40 военнослужащих, при этом неофициальные источники говорят, что потери были вдвое выше. В результате был начат мирный процесс, плодом которого стало, в частности, создание четырех зон деэскалации. Гарантами перемирия выступили Россия, Иран и Турция. Благодаря действиям российской армии сирийские правительственные силы смогли отбить около 1000 населенных пунктов, в том числе ключевые, со стратегической точки зрения, Пальмиру и Алеппо. Исламское государство¹²³ контролирует сейчас всего 5% территории Сирии. Непосредственным эффектом стало укрепление власти Башара Асада, кроме того, россиянам удалось упрочить свою позицию в роли переговорщика по Сирии. Операция позволила также остановить угрозу, связанную с действиями ИГИЛ, вдали от границ России, как того требовала ее военная доктрина. В ходе военных действий Россия вернулась к практике создания военных баз не на своей территории, так в Сирии появились три военных базы – в эль-Камышлы на севере Хмеймиме и Тартусе¹²⁴.

¹²³ Исламское государство (ИГИЛ) – террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

¹²⁴ <https://bit.ly/36QeQTm>

В поисках государственной идеологии: возвращение пройденного

В Конституции РФ закреплено существование демократических институтов и гарантии прав человека. В Ст. 13 зафиксировано, что 1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Однако власти не отказывались от мысли, что место социалистической идеи должна занять новая государственная идеология. Власти обратились к пройденному: государственно-патриотической имперской идеологии, которую стали усиленно пропагандировать средства массовой информации.

Россия не была в этом одинока: все постсоветские страны обратились к переизобретению национальной традиции и поиску национальной идентичности. Но в большинстве случаев это была архаическая имитация, т. н. пастиш – бессодержательное заимствование стилистических особенностей, направленное на создание симулякров и описание актуальной действительности мифологемами универсального характера. Пастиш не направлен на трансформацию все-

го политического пространства, но ограничивается его формально-декоративным уровнем¹²⁵. Свой вклад в изобретение новой идеологии, сочетающий православные и коммунистические ценности и импортированные из Европы праворадикальные идеи с четко артикулированным антиамериканизмом, внес Изборский клуб¹²⁶. Его члены требуют проведения авторитарной имперской политики и роста военной мощи. В унисон церковные иерархи, позиции которых разделяет Владимир Путин, и пропагандируют ведущие средства массовой информации, продвигают концепцию «Русского мира» – поддержки русских за рубежом, чем занимаются не только государственные органы, но и поддерживаемые государством общественные организации, такие как Всемирный конгресс соотечественников и Всемирный русский народный собор¹²⁷.

До 2000-х годов в политическом российском дискурсе имперские идеи, опирающиеся на концепцию евразийства, звучали в лагере государственников-реставраторов, национал – патриотов или, как они сами себя называли, красно-коричневых. К концу этого периода понятие «империя» становится все более распространенным и широко использует-

¹²⁵ Телин К. Политический пастиш, цинизм и детерриториализация Мировой порядок – время перемен (под ред. Соловьева А. И., Гаман- Голутвиной О. В.) М.: Аспект пресс. 2019, с.179–189.

¹²⁶ Götz Roland. Im Izborsker Klub: Russlands antiwestliche Intelligencija. Osteuropa, 2015, №3. S. 109–138.

¹²⁷ Bremer Th. Diffuses Konzept // Osteuropa. 2016. №3, S. 3–18.

ся в культуре и бизнесе. Имперское сознание реконструируется и оказывает все большее влияние на политическую жизнь. По мнению Эмиля Паина и Сергея Федюнина¹²⁸, происходит «целенаправленная реконструкция имперского сознания», «реконструированный традиционализм в сочетании с относительно устойчивыми особенностями географии, хозяйства, культурных традиций страны» способствует воспроизводству имперского синдрома.

С приходом к власти Путина с 2000 года наблюдается два феномена: ресоветизация и ресталинизация. Сталин занимает первое место в конкурсе «Имя России». Легально действуют партии с программой «Десять сталинских ударов» (Коммунисты России). Устанавливаются памятники Сталину, выпускается огромный объем литературы, посвященный этой фигуре. История инструментализируется и политизируется, мифологизируется, конструируется как постоянная борьба добра со злом, Россия выступает как образец духовности и добра, при этом досоветский и постсоветский период, третий Рим и Третий Интернационал сливаются. А Запад и, прежде всего, США предстают империей зла¹²⁹. Важнейшим инструментом является память о Великой Отечественной войне, сочетающаяся с т. н. военно-патриотическим воспитанием: это и массовые шествия 9 мая с

¹²⁸ Паин, Федюнин, там же, с. 199–205.

¹²⁹ Hagemester M. Bereit für die Endzeit. Neobyzantismus im postsowjetischen Russland// Osteuropa. 2016, №11—12, S. 15–44.

фотографиями погибших членов семьи (Бессмертный полк). Происходит милитаризация страны: треть бюджета тратится на вооружение и силовые органы. В школах и детских садах все большее внимание уделяется военно-патриотическому воспитанию, создана Юнармия, проводятся военные игры.

Второй феномен – возвращение к идее Третьего Рима и миссионерства и спасении человечества «русским духом»¹³⁰ и триаде Сергея Уварова, выведшего в первой половине 19 века «идеальную формулу» отношения власти и народа: православие, самодержавие, народность. После 2010 года стали все чаще применяться понятие «духовные скрепы», которые использовали философы конца 19 – начала 20 века Василий Ключевский и Николай Бердяев. В 2018 году появился фестиваль «Духовные скрепы Отечества». Представители власти и журналисты все чаще называли Путина царем и подчеркивали особую миссию России в переставшем быть духовном мире, в том числе – разлагаемой свободой нравов «Гейропе». Владимир Жириновский и другие депутаты из ЛДПР пели при появлении Путина «Боже царя храни». Представители власти и журналисты все чаще называли Путина царем и подчеркивали особую миссию России в переставшем быть духовном мире. А летом 2019 перед саммитом G 20 года Путин заявил о «смерти либерализма»¹³¹.

¹³⁰ Рубцов А. Третий Рим и далее везде. // Ведомости, 2019, 12.07.

¹³¹ <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/27/805261-putin>.

Это возвращение к идеям изоляционизма, с одной стороны, и империи – с другой, предлагает, по мнению Ирины Бусыгиной¹³² и Сергея Филиппова, другой проект модернизации, с опорой на собственные силы. Идея восходит к концепции Ивана Ильина¹³³, понимавшего Россию как органическое целое, важной частью которого является география, Россия, с народом – мессией, уникальна и обречена на вечное одиночество, при этом способна к экономическому росту.

Современные последователи этого направления говорят о «крепости – России»¹³⁴ и «острове – России»¹³⁵. Противоречие системы этих идей в том, что, с одной стороны, авторы ратуют за изоляционизм, с другой – выступают за, по сути, имперское расширение в рамках Евразии за счет реинтеграции части бывших республик СССР. Эти идеи начали воплощаться на практике под лозунгом необходимости создания общего наднационального объединения, строительства новой общности – Евразийского Союза, что было обосновано Владимиром Путиным в 2011 году¹³⁶, о котором бы-

¹³² Бусыгина И., Филиппов М. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. Фонд «Либеральная миссия». М. 2012, с. 206–208.

¹³³ Ильин И. Россия есть живой организм // Русская идея. Республика, М. 1992.

¹³⁴ Леонтьев М., Невзоров А. Крепость Россия. М.: Эксмо. 2008.

¹³⁵ Цымбурский В. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006, М.: РОССПЭН. 2007.

¹³⁶ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое

ло упомянуто выше.

Постепенно за время правления Владимира Путина изменявшаяся внутренняя политика стала напоминать по своим формам советскую, можно говорить о феномене ресоветизации. Это проявляется в следующем.

При формальном наличии демократических институтов они существуют как внешняя оболочка, фактически легитимируя единовластие президента, который апеллирует напрямую к народу. Показательная практика многочасовых «прямых линий», на которых решаются проблемы отдельных людей. Насколько малозначим для него парламент, показывает ситуация во время второго конфликта с Грузией летом 2019 года. Государственная Дума обратилась к правительству с требованием ввести санкции в отношении Грузии (запрет на ввоз продуктов и денежных переводов из России) в ответ на оскорбления Путина на грузинском телеканале. Путин на следующий же день сказал, что не поддерживает просьбу Госдумы объявить экономические санкции против Грузии – «из уважения к грузинскому народу» и «ради восстановления полноценных связей» с этой страной¹³⁷.

Выборные процедуры на всех уровнях создают максимально комфортные условия для кандидатов от власти и максимально некомфортные – для представителей оппози-

рождается сегодня // Известия, 2011, 3 октября.

¹³⁷ <https://www.mk.ru/politics/2019/07/09/putin-vyskazalsya-o-gabuniya-i-gruzinskom-narode.html>.

ции. Сбор подписей и их последующая проверка представителями МВД позволяют не допустить кандидатов еще на этапе регистрации, а многочисленные фальсификации усиливают этот эффект. Несмотря на формальное существование более нескольких десятков (число меняется от года к году, но порядок сохраняется) зарегистрированных партий, в Государственной Думе уже третий созыв представлено только четыре, которые в рамках крымского консенсуса полностью поддерживают внешнюю и, в значительной части, внутреннюю политику президента. Суды полностью подконтрольны власти и не являются независимыми.

Осталось лишь несколько независимых средств массовой информации с небольшой аудиторией, остальные превратились в инструменты пропаганды.

Органы безопасности играют ключевую роль не только во внутренней политике, но и в экономике страны, организуя преследования и осуждения неугодных бизнесменов и отнимая у них бизнес.

Начиная с 2018 года (когда Путин в третий раз – формально, т. к. неформально он продолжал руководить страной, когда президентом был Дмитрий Медведев, а он – главой правительства), стали учащаться случаи заведения громких уголовных дел против представителей государственной власти, в т. ч. членов правительства, губернаторов, мэров и представителей силовых структур. Российские исследователи начали сравнивать эту политику со сталинскими чистка-

ми представителей политической элиты. Больше всего дел и вынесенных приговоров, по данным фонда «Петербургская политика», в отношении представителей региональной элиты. Всего с конца 1990-х годов было заведено 250 уголовных дел против 75 губернаторов и их заместителей, 106 мэров крупных городов получили обвинения в злоупотреблении служебным положением, и против них вынесены обвинительные приговоры¹³⁸. Самые громкие дела в 2019 году: мэра Нефтеюганска Сергея Дегтярева, вице – губернатора Ленинградской области Олега Ковалева, замминистра энергетики Вячеслава Кравченко, министра по координации деятельности «Открытого правительства» Михаила Абызова, заместителя председателя Пенсионного фонда Алексея Иванова, а также задержание в зале Совета Федерации сенатора Рауфа Арашукова, а позже – его арест. До этого, в 2017 году, за взятку суд приговорил министра экономики Алексея Улюкаева к восьми годам лишения свободы в колонии строгого режима и штрафу в 130 млн. рублей.

В 2018—2019 годах были возбуждены дела о коррупции против ряда высокопоставленных сотрудников ФСБ, полиции, Следственного комитета. Показательно дело полковников-миллиардеров Управлению «К» (борьба с коррупцией) Дмитрия Захарченко и Кирилла Черкалина. Их арест пока-

¹³⁸ Сталинские времена вернулись? Фонд «Петербургская политика» подсчитал посадки высших чиновников <https://rtvi.com/stories/stalinskie-vremena-vernulis/>.

зывает, что президент дал согласие на оздоровление кадров в ФСБ. Вопрос – как это все будет реализовано, смогут ли привлечь к ответственности руководителей чекистов-миллиардеров, других коррупционеров, которых в рядах ФСБ остается достаточно¹³⁹.

Продолжались преследования предпринимателей не только крупного, но и среднего и малого бизнеса. В последнее время под угрозой оказались и крупные западные инвесторы. Так, в 2019 году по обвинению в мошенничестве был задержан Майкл Калви, основатель инвестиционного фонда BaringVostok. Фонд инвестировал в «Яндекс», «1С», «Вкусвилл», Skyeng, «Тинькофф банк», ivi и другие компании, всего в российские организации BaringVostok вложил \$ 2,8 млрд.¹⁴⁰ Даже Путин в послании Федеральному собранию 2019 года признал, что уголовные преследования¹⁴¹ бизнеса и давление на него стали угрозой для экономического развития страны.

В следственных изоляторах и колониях практикуются пытки. По сообщениям СМИ и правозащитников, от пыток

¹³⁹ Вербницкий Д. Ошибка президента и борьба с коррупцией // <https://pasm1.ru/archive/234723/>.

¹⁴⁰ <https://vc.ru/story/58651-vkratce-za-cto-zaderzhali-osnovatelya-investfondabaring-vostok-maykla-kalvi-i-chem-izvestna-ego-kompaniya>.

¹⁴¹ Владимир Путин признал, что уголовные преследования бизнеса стали угрозой для экономики страны // <https://www.advgazeta.ru/novosti/vladimir-putin-priznal-cto-ugolovnye-presledovaniya-biznesa-stali-ugrozoy-dlya-ekonomiki-strany/>.

в 2018 году пострадали не меньше ста человек. Из них шестеро погибли. Не менее 25 человек пытали током, 12 – надели на голову мешок, пакет или другими способами не давали дышать. Чаще всего сообщают о пытках со стороны полицейских и ФСИН, но, пожалуй, самые громкие случаи связаны с пытками сотрудниками ФСБ¹⁴².

Происходит милитаризация страны: треть бюджета тратится на вооружение и силовые органы. В школах и детских садах все большее внимание уделяется военно-патриотическому воспитанию. При этом символическое значение и опора идеологии российского патриотизма – победа во Второй мировой войне.

Гражданская активность, включая протестные акции, власть чаще всего запрещает, а участников преследует. В 2019 году в стране было 230 политзаключенных, это больше, чем в СССР накануне перестройки¹⁴³.

Ограничение прав граждан касается и их прав на собственность, что показывает масштабная программа реновации в Москве (переселение из старых домов в новые, несмотря на сопротивление жителей) и массовая застройка крупных городов, ухудшающая условия жизни горожан. Ограничиваются социальные права граждан – через укрупнение

¹⁴² Медуза // <https://meduza.io/feature/2018/08/09/vse-soobscheniya-o-pytkah-etogo-goda-v-odnoy-tablitse-ih-uzhe-bolshe-polusotni>.

¹⁴³ <https://www.dw.com/ru/число-политзаключенных-в-россии-превысило-230-человек/a-48541250>.

школ и больниц и закрытие их в малых населенных пунктах.

Помимо превращения СМИ в средства массовой пропаганды, все чаще используется не прямая и даже прямая цензура, в т. ч. в отношении фильмов, спектаклей и выставок. Помимо органов власти, для блокирования неудобных произведений используются казаки, православные активисты и представители прокремлевских движений, таких как SERB.

Государством поддерживаются, в том числе финансово, некоммерческие организации, занимающиеся военно-патриотическим воспитанием, пропагандой православия и близкие к власти (и часто используемые ей для обеспечения нужных результатов выборов) организации ветеранов, пенсионеров, женщин – по советскому образцу.

Но есть и новые явления, не существовавшие в СССР. Это – роль традиционных конфессий, в первую очередь – Русской православной церкви, которая, как во времена царской империи, рассматривается как опора власти. Власть, в свою очередь, поддерживает церковь финансово, отдавая ей не только церковные здания, использующиеся как музеи, выделяя земли, проводя политику строительства новых храмов в скверах и парках (в Москве, например, действует программа 200 храмов шаговой доступности, против которой с большим или меньшим успехом протестуют москвичи). Вводится православие в школе. Церковные иерархи выступают консультантами комитетов в Государственной Думе и лоббируют реакционные законы (декриминализация домашнего на-

силы, запрет аборт). РПЦ ведет настоящую войну с представителями ЛГБТ и феминистками и призывает вернуть женщинам их традиционную роль – жены и матери. Движения, которые курирует церковь «Православные хоругвеносцы», «Божья воля» и др. блокируют театральные спектакли и выставки, разгоняют уличные акции феминисток и ЛГБТ-активистов. В отличие от протестных уличных акций, такие группы и движения всегда получают разрешения на публичные молебны и крестные ходы.

Но нужно заметить, что хотя и людей, регулярно посещающих церковь по разным оценкам от 2% до 5%, число поклоняющихся реликвиям постоянно растет, выстраиваются многотысячные очереди к поясу Богородицы или «чудотворным» иконам. Для сегодняшних россиян характерен поверхностный характер религиозности, которая воспринимается как набор ритуалов.

Задачи модернизации: миссия невыполнима?

Перечисленные выше тенденции противоречат объективно стоящими перед страной задачами модернизации. Хотя регулярно провозглашаются проекты, с этим непосредственно связанные. Будучи президентом, Дмитрий Медведев объявил политику «четырех И»: институты, инновации, инвестиции, интеллект¹⁴⁴. Владимир Путин еще в 2005 году предложил приоритетные национальные проекты, направленные на улучшение жизни населения: «Здоровье», «Образование» и «Жилье». В 2018 году он представил проекты и задачи правительства по 12 направлениям, достичь которых нужно до 2024 года, среди которых, помимо уже существовавших, рынок труда, автодороги, наука, цифровая экономика, культура, малый бизнес, сотрудничество и экспорт, магистральная инфраструктура¹⁴⁵. Руководители регионов отчитываются за эти проекты, их работа оценивается в зависимости от их выполнения (вне зависимости от наличия собственных ресурсов в регионе). И, конечно, постоянно говорится о необхо-

¹⁴⁴ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5208>.

¹⁴⁵ <http://www.gazetaprotestant.ru/2018/05/12-novyx-nacionalnyx-proektov-prezidenta-rossii/>.

димости роста экономики и привлечении инвестиций.

Однако, как особенности внутренней политики с управлением из одного центра и отсутствием конкуренции и независимых судов, так и следствия продолжающихся санкций становятся непреодолимым препятствием на пути выполнения этих планов. Глава банка России Эльвира Набиуллина летом 2019 года заявила о том, что страна сталкивается со сложными вызовами, обусловленными плохим инвестиционным климатом, снижающимися доходами граждан и неготовностью бизнеса вкладываться в поддерживаемые государством проекты из-за их неочевидной отдачи. Проблемы российской экономики порождены тем, что она не генерирует новых рабочих мест (с 2005 по 2018 г. число занятых в России выросло на 3,26 млн. или на 4,7%, тогда как в США – на 11,5 млн. или на 9,8%), не может обеспечить роста реальных доходов граждан и не открывает возможности долгосрочного инвестирования. Причиной всех этих сложностей является российское государство, которое получает значительную часть доходов от сырьевой ренты и потому не ощущает потребности в развитии частного конкурентного бизнеса.

Российский бюджет при этом недостаточен для решения задач развития страны. Если брать в подушевом разрезе, то окажется, что ежегодно Россия тратит на одного гражданина \$ 1,78 тыс. из федерального бюджета, тогда как США — \$ 12,5 тыс., Великобритания – \$ 13,4 тыс., а Швейцария — \$ 26,3 тыс. Даже если не вспоминать, какая доля бюджетных

средств разворовывается или используется неэффективно, можно понять, что за государственный счет страну не удастся обустроить даже при дорогой нефти¹⁴⁶. По мнению экономиста Вячеслава Иноземцева, экономика России может возобновить рост только при следующих условиях:

Во-первых, должен начать увеличиваться совокупный конечный спрос – за счет, с одной стороны, роста доходов низкообеспеченных слоев и стратегии борьбы с бедностью; а с другой, увеличения доходов малого и среднего бизнеса. Во-вторых, прибыль в частном секторе должна реинвестироваться – для этого нужно снижение налогов и полное прекращение вмешательства силовых структур в экономику.

В-третьих, нужно существенно расширить легальную сферу частного бизнеса в России, разрешив частное владение инфраструктурными объектами и «стратегическими» месторождениями, но не продавая существующие, а позволяя строить и разрабатывать новые.

В-четвертых, следует максимально привлекать в страну иностранных инвесторов и немедленно отменить в одностороннем порядке все «санкции», которые Кремль ввел против России: развитию частного сектора они наносят бóльший вред, чем ограничительные меры Запада.

Однако как особенности внутренней политики становятся непреодолимым препятствием на пути выполнения планов,

¹⁴⁶ Иноземцев В. Кто прав в споре Медведева и Набиулиной. <https://echo.msk.ru/blog/openmedia/2460411-echo/>.

связанных с модернизацией. Существенная разница в развитии регионов, этнокультурная разнородность, сложности интеграции республик с преимущественно мусульманским населением, распространение радикального ислама (салафизма), культурная гетерогенность – еще одно препятствие на пути модернизации и демократизации.

Но одних экономических мер недостаточно для модернизации России, ключ к экономическому развитию России, как отмечают Ирина Бусыгина и Михаил Филиппов, лежит в политической сфере, а вызовы глобализации требуют нового качества российского государства¹⁴⁷. Борис Межуев отмечает, что построение в России сложного постиндустриального общества требует не мобилизационного рывка, но укрепления и институционального обеспечения демократической модели политического развития¹⁴⁸.

Для России, замечает Владимир Гельман¹⁴⁹, характерно недостойное правление: извращение принципов верховенства права (*unrule of law*), повсеместная коррупция, низкое качество государственного регулирования и неэффективность политики правительства. Извлечение ренты представляет собой главную цель и основное содержание управ-

¹⁴⁷ Бусыгина, Филиппов. Там же, с. 13—14.

¹⁴⁸ Межуев Б. (2010). Перспективы политической модернизации в России // Полис, 2010, №6, С. 6–22.

¹⁴⁹ Гельман В. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019.

ления государством на всех уровнях. Поэтому механизм власти и управления тяготеет к иерархии (вертикаль власти), стремящимся к монопольному положению, а автономия экономических и политических акторов внутри страны по отношению к данному центру носит условный характер и может быть произвольно изменена и/или ограничена. Формальные институты (конституции, законы и т. д.) представляют собой побочный продукт распределения ресурсов внутри вертикали власти.

Поиск идеологической основы для такого политического режима привел к возрождению имперской идеи и новому изоляционизму. Россия не смогла выйти из колеи – тропы исторической зависимости¹⁵⁰.

Специфика модернизации в России обусловлена ее периферийным положением в мировой экономической и политической системе. Инерция культурных регуляторов препятствует выходу за рамки советского модерна, отягощенного символами российской империи¹⁵¹. И это подтверждают поправки в Конституцию, внесенные летом 2020 года.

А геополитический имперский проект и поддержание зоны влияния России на постсоветском и – в последнее время других (Сирия) – пространствах ограничивают усилия по

¹⁵⁰ Vorozejkina T. *Authkratie oder Perestrojka 2.0. Russalnds Ausbruchhaus der Pfandabhängigkeit, Osteuropa*. 2019, №5, S. 5–20.

¹⁵¹ Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. Под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия. 2016.

трансформации России в современное государство¹⁵², т. е. задачам модернизации.

¹⁵² Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Returned of Great Power Politics.UK/2011, p. 260.